

Осипова «Песни народа коми»¹. При всей фрагментарности сборник представляет ценность, потому что фиксирует появление у коми частушек-импровизаций в период, предшествующий Первой мировой войне.

7.2. Финские исследователи этнографии народов коми

Путешествия А. Регули и Д. Фокоша-Фукса были их частными предприятиями, хотя и поддержанными научным сообществом. Постепенно изучение народов коми, как и других финно-угров, в Финляндии становится систематическим. Большую роль в этом сыграло Финно-угорское общество.

В 1860–1890-е гг. Финляндия постепенно становится крупнейшим центром изучения финно-угорских народов. Этому во многом способствовало то, что в России, несмотря на деятельность крупных российских финно-угроведов *А.И. Шегрена*, *Ф.И. Видемана*, не сложилась своя научная школа, не произошла институализация финно-угроведения как научной дисциплины. Они не оставили учеников, кроме того, в университетах не проводилась подготовка соответствующих специалистов². В то время именно финские ученые разрабатывают теорию и практику специальной науки финно-угроведения и финно-угорской этнографии, в частности, путем сравнительного изучения истории, обычаев и обрядов родственных финнам народов³. С самого начала финно-угроведение складывалось как комплексная наука, объединявшая историков, этнографов, лингвистов, археологов. Большую роль в ее становлении в Фин-

ляндии в тот момент сыграли А.Э. Альквист, Ю. Крон, О. Доннер и И.Р. Аспелин.

Август Энгельбрехт Альквист, профессор кафедры финского языка Александровского университета с 1863 г., его ректор с 1884 по 1887 гг., филолог, поэт, публицист, активно разрабатывал методы лингвистической палеонтологии в финно-угроведении, рассматривал вопросы финской филологии с культурно-исторической точки зрения⁴. Так, он считал, что заимствование культурных понятий из одного языка в другой чаще всего свидетельствует о заимствовании одним народом у другого определенных предметов. Этому была посвящена его специальная статья «Культурные слова в западно-финских языках»⁵. Именно с этими целями А.Э. Альквист предпринял три поездки в 1854–1858, 1877 и 1880 гг. в районы обитания финно-угорских народов, в первую очередь к хантам и манси, и написал еще одну статью, посвятив ее анализу языку обских угров⁶.

Юлиус Леопольд Крон, финский фольклорист и литературовед, вошел в историю мировой науки как создатель историко-географического метода, на основе которого сформировалась финская школа фольклористики⁷. Его метод был основан на принципе

⁴ *Donner O.* August Engelbrekt Ahlqvist. 20 marrast. 1889 // ASSF. 1891. Vol. 17. S. 539–550; *Joki A.J.* August Ahlqvist — fennougritina [Август Альквист — финно-угровед. На финском языке] // Neuvostoliitoninstituutin vuosikirja. Helsinki, 1977. T. 25. S. 51–62.

⁵ *Ahlqvist A.E.* Dei Kulturwörter der westfinischen Sprachen. Ein Beitrag zur der älteren kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875. В России основные идеи А. Альквиста легли в основу книги Л.Н. Майкова «О древней культуре западных финнов по данным их языка. По сочинению доктора Альквиста», изданную в СПб. в 1877 г.

⁶ *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918 // The History of Learning and Science in Finland. Helsinki, 1986. Vol. 11. S. 320–321; *Ahlqvist A.E.* Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen // JSFOu. Bd. 8. S. 1–22.

⁷ *Setälä E.N.* Julius Krohn // Valvoja. Vol. 8. P. 378–383; *Krohn K.* Über die finnische folkloristische metod // FUF. 1910. Bd. 10. S. 33–43; *Hautala J.* Die folkloristische Forschung in Finnland // JSFOu. Vol. 60. S. 1–48; *Он же.* Finish folklore research 1828–1918 // The History of Lean-

¹ *Осипов А.Г.* Песни народа коми. Сыктывкар, 1964.

² *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде (XIX — 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1989. С. 7–10.

³ См., например, обзор по развитию финно-угроведения: *Setälä E.N.* Die finnisch-ugrischen studien als universitätFach // FUF. 1901. Bd. 1. Heft. 2. S. 40–67; *Stipa G.* Finnish-ugrische Sprachforschung...

эволюционизма и стремлении найти или реконструировать первоначальную форму фольклорного текста (произведения), выявить, какие изменения он претерпел во времени и пространстве, что, в свою очередь, давало возможность найти отпечатки далекого прошлого, пережитки древнейших языческих верований, а также проследить историю контактов с окружающими народами.

В конце 1870-х гг. Иоганн Рейнгольд Аспелин, финский археолог, много сделавший для выявления происхождения финно-угров, совершил несколько экспедиций по Восточной России. И.Р. Аспелин считается основателем финно-угорской археологии¹. Он впервые обратил внимание своих коллег в России и Скандинавии на необходимость тщательного изучения вещественных памятников прошлого и предметов материальной культуры финно-угорских народов. Опубликованная им серия «Древности северных финно-угров» преследовала цель дать археологическое обоснование гипотезе *М.А. Кастрена* о формировании финно-угров в район Алтайских гор². И хотя эта попытка не была удачной, тем не менее его работы поставили на повестку дня необходимость тщательного изучения древностей на Севере Европы.

Именно по инициативе профессора археологии И.Р. Аспелина в 1870 г. в Финляндии появилась Финская ассоциация древностей, которая должна была «*привлечь внимание к собиранию и сохранению от разрушения памятников искусства и древностей родной страны, как то: поэзии, песен, сказаний — и пробуждения в финской нации чувства интереса к проявлениям прошлого*». Это был первый шаг на пути признания финской научной общественностью нового научного направления.

ing and Science in Finland. 1828–1918. Helsinki, 1968. Vol. 12; *Pentikäinen J.* Julius and Kaarele Krohn // *Biographica: Nordic Folklorists of the Past.* Uppsala, 1971. P. 11–33.

¹ *Nordman C.A.* Arkeologian ja kansatieteen tutkimus // *Oma Maa.* Helsinki, 1959. № 5.

² *Aspelin J.R.* Antiquites du nord fenno-ougrien. Helsingfors, 1877–1884.

Завершением этого процесса стало учреждение в 1883 г. в Гельсингфорсе Финно-угорского общества, которое было приурочено к 50-летию со дня смерти *М.А. Кастрена*³. Это стало возможно благодаря неутомимой деятельности группы энтузиастов-ученых во главе с профессором Отто Доннером⁴. В числе инициаторов создания общества — И. Аспелин, А. Альквист, З. Топелиус, Э. Ленрот. Цели и задачи общества были четко сформулированы уже в § 1 Устава: «*Содействовать получению сведений об финно-угорских народах для изучения их языков, археологии, древней истории и этнологии*»⁵. Благодаря частным пожертвованиям и регулярным субсидиям со стороны Сената Великого княжества Финляндского у общества появилась возможность проведения систематических экспедиций в районах проживания финно-угорских народов и публикации научных результатов этих разысканий⁶. Для ознакомления мировой на-

³ *Ravila P.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1883–1933 [Финно-угорское общество. 1883–1933. На финском языке] // JSFOu. 1933. Bd. 46. P. 1–67; *Mikkola J.J.* Vorbereitungen zur Grünlung der Finnisch-ugrischen gesellschaft // MSFOu. 1936. Vol. 71; *Aalto P.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1933–1958 [Финно-угорское общество. 1933–1958. На финском языке] // JSFOu. 1958. Vol. 60. P. 1–39; *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920 // *The History of Learning and Science in Finland.* Helsinki, 1977. Vol. 12. P. 22.

⁴ Отто Доннер (1835–1909) — крупнейший финский лингвист и общественный деятель, профессор Александровского университета, сенатор, первый президент Финно-угорского общества. О нем см.: *Setälä E.N.* Otto Donner. In memoriam // JSFOu. 1910. Vol. 27. P. 1–28; *Он же.* Otto Donner // FUF. 1909. Bd. 9. S. 214–220; *Kannisto A.* Otto Donner — suomalais-ugrialaisten kielten tutkijana [Отто Доннер — специалист по финно-угорским языкам. На финском языке] // JSFOu. 1937–1938. Vol. 49. P. 3–16.

⁵ Status de la Société Finno-Ougrine // JSFOu. 1886. Vol. 1. P. 1.

⁶ Научные экспедиции Финно-угорского общества // Правительственный вестн. 1900. № 250; Из истории кафедры финского языка и литературы Гельсингфорского университета // Русская мысль. 1902. Т. 23. С. 127–141; *Погодин А.Л.* Гельсингфорская школа филологов и лингвистов // ЖМНП. 1903. Июль. С. 128–156; *Он же.* Финно-угорское общество в 1903 г. // Финляндская газ. 1904. № 181; 1906. № 169; *Он же.* Труды финляндских ученых по изучению финских племен

учной общественности с результатами деятельности своих членов общество учреждает и издает до настоящего времени ряд печатных серий: журнал общества *Suomalais-ugrilaisen Seura aikakauskirja* — *Journal de la Société Finno-Ougrienne* с 1985 г.; Труды общества *Suomalais-ugrilaisen Seura toimituksia* — *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* с 1890 г., сборники “*Finnisch-ugrische Forschungen*” с 1901 г. В этих научных изданиях опубликовано много материалов по языку и традиционной культуре народов коми¹.

Во второй половине XIX в. оформившаяся в самостоятельную науку международное финно-угроведение включило в число объектов изучения наряду с другими народами коми-зырян и коми-пермяков².

В числе первых финских исследователей народов коми следует отметить **Торстена Густафа Аминоффа** (*Torsten Gustaf Aminoff*, 1838–1881) — финского лингвиста, работавшего в области пермской филологии. Он родился в семье инженера-землеустроителя в городе Нильсия на северо-востоке Финляндии. Т.Г. Аминофф происходил из знатного русского дворянского рода Аминовых (Аминевых). Этот род долго служил московским государям. Но в период Смутного времени его предок, Ф.Г. Аминов (Аминев), бывший воеводой в Иван-городе, переселился с семьей в Швецию, где в 1613 г. был причислен к шведскому дворянству³. После окончания Финляндского (Фридрихсгамского) кадетского

корпуса состоял в Финляндском стрелковом батальоне, расквартированном в то время на территории современной Эстонии. Здесь Т.Г. Аминофф начал самостоятельно изучать сначала эстонский, а затем и другие финно-угорские языки. В 1861 г. он оставил военную службу в чине поручика и посвятил себя науке. Сдав экстерном экзамены за университетский курс, начинающий ученый провел некоторое время в северной Финляндии, занимаясь сбором фольклорного и лингвистического материала. Вслед за своим наставником, профессором А. Альквистом он считал, что только полевые исследования дают качественный материал для теоретических построений.

В 1873 г. появляется первая крупная работа Т.Г. Аминоффа — «Краткий очерк истории включения восточно-финских народов в состав Российского государства»⁴. Здесь Т.Г. Аминофф, кроме историко-политических вопросов, рассмотрел и ряд научных проблем. Например, он локализовал территорию древней прародины финно-угров к западу от Уральских гор, в районе Волго-Камья. Тем самым он одним из первых подверг сомнению авторитетную в то время гипотезу об урало-алтайском родстве и происхождении финно-угров **М.А. Кастрена** и **Ф. Видеманна**.

Т.Г. Аминофф, полагавший, что качественный полевой материал является основой проведения научных исследований, предпринял в 1873 г. специальную поездку в Поволжье в надежде найти новые доказательства для упрочения своей гипотезы. Здесь он провел исследования среди удмуртов. Следствием этого путешествия стала его монография «Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка», опубликованная, правда, лишь в 1896 г. Знание пермских языков позволило Т.Г. Аминоффу позднее опубликовать материалы **М.К. Кастрена** по народам коми⁵.

России // Финляндия. 1910. № 1. С. 3–8; *Он же*. Из области финно-русских культурных отношений // Финляндия. 1910. № 2. С. 42–45; То же // ИАОИРС. 1910. № 4. С. 1–4; *Кузнецов С.К.* Успехи этнологии в деле изучения финнов за последние 30 лет // ЭО. 1910. N 1–2; *Халиков А.Х.* Финно-угорское общество и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9.

¹ *Suomalais-ugrilaisen Seura Julkaisut*. — Publication of the Finno-Ugrian Society. 1885–1995. Helsinki, 1995.

² Об изучении народов коми членами Финно-угорского общества см.: *Ravila P.* *Suomalais-ugrilaisen Seura*. 1883–1933... S. 41–44.

³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона С. 650–651.

⁴ *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 37.

⁵ *Aminoff T.G.* *Syrjääniläisiä Häälälujuja, kome koonnut M.A. Castren alkutekstistä suomenleisellä ja saksalaisella käänöksellä varust T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsingforsiae. 1880. № 11; Он же.* *Syrjänische Hochzeitsgesänge. Mit finnischer und deutscher Uebersetzung hrsg T.G. Aminoff // Acta soc scient fennicae. Helsing-*

На рубеже XIX–XX вв. коми вновь попадают в поле зрения финских исследователей, что было связано с образованием в 1883 г. в Хельсинки Финно-угорского общества, которое начало финансировать научные изыскания за пределами Великого княжества Финляндского. Поле долгого перерыва в Коми крае побывал Ю.Й. Вихман.

Юрье Йоосинни Вихман (Yrjö Jooseppi Wichmann, 1868–1932) — финский лингвист, фольклорист, финно-угровед¹. Родился в с. Лиминка в пасторской семье на севере Финляндии. Окончил лицей в г. Улеборг (Оулу). В 1887–1891 гг. учился в Александровском университете в Гельсингфорсе (теперь — Хельсинкский университет), ученик крупнейшего финского фольклориста К. Крона. Во время учебы Ю.Й. Вихман начал увлекаться финно-угорской лингвистикой и фольклористикой. Затем он несколько лет преподавал финский язык в разных школах Финляндии.

Будучи студентом, Ю.Й. Вихман стал членом Финно-угорского общества, в архиве которого познакомился с материалами удмуртской экспедиции **Т.Г. Аминоффа**. Именно тогда у него возникла идея совершить собственную поездку к удмуртам и другим финно-угорским народам в России. На сред-

ства этого общества в 1891 г. он поехал в Поволжье с целью изучения удмуртского языка. Во время этой поездки завязались дружеские контакты с казанскими профессорами Н.И. Ильминским и **И.Н. Смирновым**, а также с местными краеведами.

В это время он начал печататься в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», опубликовав в них три работы, в которых в основном знакомил российских коллег с работами финляндских ученых². В 1894 г. состоялась вторая поездка Ю.Й. Вихмана к удмуртам. На основе этих полевых материалов в 1897 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию истории вокализма удмуртского языка в сопоставлении с коми³. В том же году стал доцентом, а в 1920 г. — профессором кафедры финно-угорской филологии в Хельсинкском университете.

С сентября 1901 по август 1902 гг. Ю.Й. Вихман проводил исследования среди коми-зырян⁴. Для этой поездки он получил т.н. Александровскую стипендию в размере 5140 финских марок, которую университет выделял для научных изысканий за пределами Великого княжества Финляндского⁵. В эту научную экспедицию он отправился уже зрелым полевиком, имеющим опыт путешествия среди русских финно-угров, собирательской ра-

forsiae, 1880. № 11. S. 203–231. См. рецензию Отто Доннера на это сочинение: *Donner O.* Syrjääniläisiä Hääläuluja, kome koonnut M.A. Castren alkutekstistä suomenleisellä ja saksalaisella käännöksellä varust T.G. Aminoff // *Kirjallinen kaukauslehti*. 1879. S. 106–107.

¹ *Костромина И.* Коми йёзлö друг [Друг коми людей. На коми языке] // *Войвыв кодзув*. Сыктывкар, 1979. № 6. С. 58–61; *Туркин А.И.* Ю. Вихман — исследователь коми диалектов // *Пермистика-2*. Вихман и пермская филология. Ижевск, 1991. С. 45–52; *Он же*. Вихман Ю.И. // *Коми язык: энцикл.* М., 1998. С. 57–60; *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland... P. 153–158; *Setälä E.N.* Yrjö Wichmann. 8.IX.1868–3.V.1932 // *FUF*. 1933. Bd. 21. N. 1–3. S. 1–4; *Kannisto A.* Puhe professori Yrjö Wihmann hautapatsaan vihkiäisissä Helsingin nautausmaalla lokak [Речь на открытии 3 октября 1936 г. в Хельсинки памятника на могиле профессора Ю. Вихмана. На финском языке] // *JSFOu*. 1937–1938. Vol. 49. P. 1–12. Более полную сводку публикаций Ю.И. Вихмана по коми языку и о нем см.: *Зарубежные ученые — исследователи коми языка*. Сыктывкар, 2003. С. 124–128.

² *Вихман Г.* (Wichmann J.) Письма из Гельсингфорса (заметки о финно-угорских исследованиях) // *Изв. ОИАЭ*. Т. 11. Вып. 2. С. 198–200; *Он же*. Письма из Гельсингфорса (сообщения о дешифровке В. Томсеном Орхонских и Енисейских надписей) // *Изв. ОИАЭ*. Т. 11. Вып. 4. С. 483–485; *Он же*. Следы человеческих жертвоприношений у вотяков (По поводу труда проф. И.Н. Смирнова о человеческих жертвоприношениях у вотяков и других народов) // *Изв. ОИАЭ*. Т. 11. Вып. 3. С. 291–293.

³ Краткое содержание этой работы см.: *Wichmann Y.J.* Suomen vaski sanan vastineet permiläisissä kielissä (votjakissa ja syrjäänissä) // *Virittäjä*. 1897. 23

⁴ *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902 // *JSFOu*. 1903. Vol. 21. S. 3–47; *Новые труды финских исследователей* // *ЭО*. 1903. № 1. С. 157–158.

⁵ *Forschungsreisen* // *FUF*. 1901. Bd. 1. S. 179, 236; *То же* // *FUF*. 1902. Bd. 2. S. 81–82.

боты, а также знающим русский язык. К этому моменту, в 1899 г., он опубликовал свою первую лингвистическую работу по коми языку, посвященную сопоставлению финского названия меди в удмуртском и коми языках¹. Вообще, его занятия коми-зырянским языком начались еще в 1894 г. в Гельсингфорсе, где он познакомился с солдатом русской армии Г.И. Терентьевым, который был родом из Красноборска (с Печоры), и сделал свои первые записи лексикографического, грамматического и фольклорного характера². Ученый ставил перед собой две задачи: во-первых, получить копии со всех имеющихся к тому времени в руках исследователей образцов древнепермской (древнекоми) письменности; во-вторых, составить как можно более полный словарь коми языка³. За основу нового словаря коми языка финский исследователь взял коми-немецкий словарь академика Ф.И. Видемана, который уже во многом не устраивал зарубежных исследователей и исправлением и дополнением которого он занимался во время своей экспедиции. Эти задачи были выполнены в плане собирательской деятельности, хотя их публикация осталась незавершенной.

Перед тем как отправиться в Коми край, Ю.Й. Вихман в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани собирал сведения об образцах текстов на древнепермском языке времени *Стефана Пермского*, копировал их, в частности материалы *П.И. Савваитова* (они сохранились в его архиве, позднее Ю.Й. Вихман попытался расшифровать их). Кроме того, им были сделаны копии с различных сохранившихся в архиве А.Й. Шегрена рукописей и документов о дискуссии, развернувшейся между *А.Й. Шегреном*, *П.И. Савваитовым*, *Н.А. Роговым*, В. Кокшаровым по поводу «Грамматики зырянского языка»

П.И. Савваитова. По записям в его дневнике известно, что во время пребывания в Петербурге финский ученый встречался с коми учеными — *Г.С. Лыткиным* и *К.Ф. Жаковым* — и консультировался с ними по поводу своей поездки в Зырянский край⁴.

Затем через Вологду — Устюг — Котлас — Яренск Ю.Й. Вихман отправился в Усть-Сысольск. По сведениям И. Костроминной, в фондах Вологодской духовной консистории сохранился любопытный документ о его пребывании в Вологде. В нем указывается, что правление консистории разрешило финскому ученому-лингвисту, известному своими работами по сравнительному языкознанию, изучать на местах коми язык, записывать фольклорный материал, копировать различные памятники коми письменности XIV–XVII вв.⁵ Во время своей девятимесячной поездки он, кроме г. Усть-Сысольска, столицы Коми края, посетил еще ряд селений в южных районах проживания коми-зырян, а также юсьвенских коми-пермяков. Согласно отчету он успел побывать в с. Вожем, Визинге и Ношуль. В Вожеме он скопировал две древнекоми надписи со старых икон, которые впервые были прочтены и опубликованы *П.И. Савваитовым*. Но они вызывали возражения со стороны других лингвистов, которые не доверяли его прорисовкам (в настоящее время эти копии, как и весь собранный им лексический и фольклорный материал, хранятся в архиве Финно-угорского общества в Хельсинки). Удорский диалект Ю.Й. Вихман изучал в беседах с жителем этого района, писарем из села Важгорт А. Ерегодским (Ярегодским), которого разыскали в Усть-Сысольске. По его заметкам видно, что с помощью информантов, обучавшихся в местном уездном училище: И. Попова из Троицко-Печорска, А. Мезенцева из Савинбора, Г. Шахтарова из Щугора, происходящих с р. Печоры,

¹ *Wichmann Y.J.* Die Verwandten des finn. *vaski* (Kupfer) in der permischen Sprachen (Syrjänischen und Wotjakischen) // JSFOu. 1899. Vol. 16. P. 5–8.

² *Uotila T.E.* Vorwort // *Wichmann Y.J.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre // *Lexica Societatis Fenno-ugricae.* Helsinki, 1942. Vol. 7. S. 3.

³ *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht... S. 4–7.

⁴ *Микушев А.К.* Куратовские архивные материалы в Финляндии // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1976 / Т. 2. С. 44; *Туркин А.И.* Каллистрат Фаллалеевич Жаков // Жаков К. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. Сыктывкар, 1990. С. 27.

⁵ *Костромин И.* Коми йöзлön друг... С. 58.

он сумел ознакомиться с этим диалектом. Вычегодский диалект Ю.Й. Вихман изучал при содействии помощника полицейского Климушева из Коквицы¹.

Помощь при работе с информантами ему оказал местный краевед **А.А. Цембер**. Финский ученый отмечает, что по его настоянию была начата работа по сбору образцов народной поэзии среди зырян местными жителями. Финно-угорское общество по его рекомендации оказало помощь учителю местной народной школы зырянину А.А. Цемберу в 1902 г. в поездке рекам Вычегде и Локчим, из которой он привез записи 12 сказок, 2 детских сказок, 4 песен, 15 причитаний, 30 загадок, а также словарь местных диалектизмов и топонимов². Из записей Ю.Й. Вихмана известны и другие его помощники-учителя: в Визинге он общался с бывшим солдатом, тюремным надзирателем В.А. Митюшевым; в Ношуле — с бывшим солдатом, крестьянином И. Шулеповым; в Усть-Сысольске — с сестрами Забоевыми; в Объячево — с акцизным чиновником М.М. Юговым. По пути в Пермскую губернию в с. Летка он записал свадебные причитания от местной крестьянской девушки Дуни Поповой. В июне 1902 г. Ю.И. Вихман проработал в с. Юсьве у коми-пермяков, где его помощником был местный сельский учитель И.А. Быков, откуда через Казань в августе того же года он вернулся в Гельсингфорс (Хельсинки)³. В своем опубликованном отчете он писал: «Собранные мною среди зырян материалы следующие: пять больших и три малых словаря, из которых первые относятся к диалектам Удоры, средней Вычегды, Сысолы, Лузы и к пермяцкому, а последующие — к диалектам Печоры, Летки и нижней Вычегды, и заметки по морфологии 6 диалектов (Удоры, средней Вычегды, Печоры, Сысолы, Лузы и пермяцкого)»⁴.

Ю.Й. Вихман, как и его финские коллеги, считал коми-пермяцкий язык одним из диалектов коми-зырянского языка, в отличие от русских лингвистов, исходивших из того, что это разные, хотя и близкородственные языки⁵. Отсюда видно, что, несмотря на то что маршрут путешествия Ю.Й. Вихмана пролегал по южным районам ареала обитания коми-зырян, ему удалось найти информантов из числа жителей северных и западных районов. В ходе своей поездки ученый завязал знакомства, которые продолжались и позднее. Так, в его архиве сохранились письма с материалами информантов из Коми края, поступившие в адрес Ю.Й. Вихмана в Гельсингфорс. Результатом этого научного путешествия стала его книга «Коми-зырянская народная поэзия», в которой все тексты были даны на коми и немецком языках. Этот сборник содержит 60 сказок, 36 текстов детских сказок, 15 причитаний, 43 песен, 191 пословицу и 278 загадок, всего более 550 фольклорных текстов⁶.

С Ю.Й. Вихманом связано знакомство западной науки с именем первого коми профессионального поэта **И.А. Куратова**. Во время путешествия финский ученый познакомился с его рукописями, сделал с них копии и опубликовал в своей книге. В своем отчете Ю.Й. Вихман пишет, что во время пребывания в с. Визинге ему «удалось получить в свои руки несколько рукописей ныне покойного *Ивана Куратова, бывшего усть-сысольского школьного учителя, впоследствии чиновника канцелярии Туркестанского правления. В частности, среди рукописей находились фрагменты очерка зырянской грамматики <...> и стихотворения, частью оригинальные, частью переводные. <...> Среди стихов Куратова есть несколько таких, которые имеют бесспорные поэтические достоинства»⁷. Позднее финский ученый включил перевод двух его стихотворений на финском*

¹ Forschungsreisen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 81–82.

² Новые труды финских... С. 158; Forschungsreisen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 82.

³ Uotila T.E. Vorwort // Wichmann Y.J. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen ... S. 6–7.

⁴ Wichmann Y.J. Kurzer Bericht... S. 4–7.

⁵ См., например: *Setälä E.N.* Über die benennungen der finnisch-ugrischen Völker und Sprachen und die abkürzungen dersellen // FUF. 1901. Bd. 1. S. 180.

⁶ *Wichmann Y.J.* Syrjänische Volksdichtung // MSFOu. 1916. Vol. 33.

⁷ *Wichmann Y.J.* Kurzer Bericht... S. 16.

языке в состав своего учебного пособия для студентов¹. Сохранившиеся в Хельсинки копии до сих пор имеют большое значение в изучении корпуса стихов И.А. Куратова². Г. Тираспольский считает Ю.Й. Вихмана «*зачинателем куратоведения*».

Позднее Ю.Й. Вихман написал специальную статью «Зыряне или коми» для издаваемого под названием «Финское племя» в Финляндии общего обзора финно-угорских народов³. Остался незавершенным его «Словарный состав зырянского языка с основами морфологии», изданный впоследствии его учеником *Т.Э. Уотилой*⁴. Данный словарь содержит около 10 тысяч коми слов и благодаря приведенному там богатому фразеологическому материалу представляет собой ценнейший этнолингвистический источник для характеристики традиционной культуры народа коми⁵. В настоящее время он широко используется современными исследователями⁶.

Несмотря на то что занятия Ю.Й. Вихмана древнепермским языком не были изданы, как видно из его записок, им были сделаны верные замечания о времени функционирования этой письменности, а также предпринята попытка выделения церковной лексики и ее

происхождения⁷. Рая Бартенс считает, что Ю.Й. Вихман мог оказать большое влияние на *В.И. Лыткина*, начинающего коми лингвиста и поэта, который в 1920-х гг. стажировался в Хельсинки и общался с ним. После возвращения в СССР В.И. Лыткин начал серьезно заниматься этой проблемой и выпустил книгу, посвященную описанию и анализу всех памятников древнепермской (древнекоми) письменности⁸.

Не утратили значения и небольшие заметки Ю.Й. Вихмана о ненецких заимствованиях в коми языке и чувашских — в пермских⁹. Первая из них является расширенной рецензией на работу венгерского лингвиста И. Халаши (J. Halász) «К вопросу о венгерско-самоедских языковых отношениях». Рассмотрев ряд положений этой статьи, Ю.И. Вихман проанализировал некоторые этимологии, предложенные И. Халаши, и выдвинул целый ряд взаимных (коми-ненецких) заимствований, в первую очередь в оленеводческой лексике.

Одновременно Ю.Й. Вихман впервые выявил более 1000 этимологий коми слов, которые до настоящего времени представляют определенную ценность для исследователей, занимающихся этногенезом народов коми в частности и других финно-угорских народов в целом¹⁰. Например, в одной из своих заметок он рассмотрел происхождение коми слова *небӧг, ньебӧг* — книга, которое возво-

¹ *Wichmann Y.J.* Syrjänen Kieltä [Коми язык. На финском языке]. Helsingfors, 1903.

² *Микушев А.К.* Куратовские архивные материалы в Финляндии // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1976. Т. 2. С. 40–46; *Мартынов В.И.* История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1990. Т. 6; *Тираспольский Г.* Кто же первым открыл рукописи И.А. Куратова // Арт–Лад. Сыктывкар, 2004. № 2. С. 114–116.

³ *Wichmann Y.J.* Permiläiset kansat. Syrjäniit eli komiläiset [Пермские народы. Зыряне или коми. На финском языке] // Suomen Suku. Helsinki. Bd. 2. S. 322–350.

⁴ *Wichmann Y.J.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher // Lexica Societatis Fennougricae. Helsinki, 1942. Vol. 7.

⁵ Рецензию на словарь см.: *Toivonen Y.H.* Yrjö Wichmann Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenleher. Helsinki, 1942 // FUF. 1944. Bd. 28.

⁶ См., например: *Ракин А.Н.* Словарь Вихмана и антропонимистическая лексика коми языка // Пермистика–2. Вихман и пермская филология. Ижевск, 1991. С. 71–76.

⁷ Обзор его деятельности в этом направлении см.: *Бартенс Р.* Вежа Степанлӧн вичко терминология. (Церковная терминология святого Стефана. На коми языке) // Арт–Лад. Сыктывкар, 1997. С. 40–48.

⁸ *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952.

⁹ *Wichmann Y.J.* Samojedisches lehnugen im Syrjänischen // FUF. 1902. Bd. 2. S. 165–183; *Он же.* Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen Sprache // MSFOu. Bd. 21; Отзыв *J. Landgrena* на эту работу см.: FUF. 1904. Bd. 4. S. 19–24.

¹⁰ Этому был посвящен ряд его небольших статей: *Wichmann Y.J.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 1–3 // FUF. 1901. Bd. 1. S. 99–111; *Он же.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 4–14 // FUF. 1904. Bd. 3. S. 99–110; *Он же.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 15–28 // FUF. 1912. Bd. 7. S. 128–138 и т.д.

дится им к языку обских угров и является следствием контактов последних с ираноязычными народами. Вообще, изучение этих заметок показывает, что финский ученый был хорошо знаком не только с русскоязычной литературой, но и с архивными материалами. Например, в своей заметке о коми названии книги он ссылается на рукописи *Д.Г. Мессершмидта*, что показывает, что Ю.Й. Вихман был знаком с ними¹. Кроме того, его ссылка на *Д.Г. Мессершмидта* свидетельствует о бытовании слова *небӧг* в значении «книга» в начале XVIII в., ибо позднее, в XIX в., это слово было заменено русской лексемой «книга» и не употреблялось вплоть до конца XX в., до того времени, когда оно вновь было введено в коми литературный язык. Предложенные Ю.Й. Вихманом этимологии в настоящее время использованы *В.И. Лыткиным* и *Е.С. Гуляевым* в современном Этимологическом словаре коми языка².

Следует упомянуть, что Ю.Й. Вихман является автором большого количества статей по культуре удмуртов, марийцев и венгров. Необходимо отметить большую научно-организаторскую деятельность Ю.Й. Вихмана. С 1898 по 1905 г. он состоял секретарем, а с 1909 по 1932 г., до самой смерти, — вице-президентом Финно-угорского общества и принимал активное участие в планировании и проведении исследований финских ученых в России. В течение ряда лет был редактором крупнейшего финно-угроведческого журнала «*Finnisch-Ugrischen Forschungen*», издаваемого в Хельсинки. Причем Ю.Й. Вихман внимательно следил за тем, что происходило в русском финно-угроведении. Например, он подверг сомнению идеи профессора Казанского университета *Н.И. Смирнова*, допускавшего возможность существования у удмуртов человеческих жертвоприношений.

¹ *Wichmann Y.J.* Etymologisches aus den permischen Sprachen. 1–3 // FUF. 1901. Bd. 1. S. 109.

² *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; *Они же.* Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка // Коми филология. Сыктывкар, 1975. (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР. Вып. 18.)

Эта дискуссия развернулась в России в связи с так называемым «Мултанским делом». Ю.Й. Вихман ответил своему коллеге специальной статьей, в которой высказался о том что «такие сказки не могут быть верным доказательством, особенно о *вотяхках* (*resp* о *пермяках* etc.) потому, что такие рассказы мы встречаем у всех культурных народов»³. Кроме того, он одним из первых в зарубежной этнографии опубликовал статью по этнодемографии восточных финно-угров⁴.

В 1928 г. Ю.Й. Вихман подготовил для Финно-угорского общества обстоятельный доклад, позднее опубликованный в виде статьи под названием «Влияние мировой войны на финно-угорские народы и их научное изучение»⁵. В этой работе он проанализировал демографическую ситуацию у указанных этносов, сложившуюся в первой четверти XX в., отметив появление на политической карте мира трех независимых финно-угорских государств — Финляндии, Эстонии и Венгрии, правительства которых оказывают значительную поддержку финно-угорским исследованиям в своих странах. Несмотря на то что Первая мировая война на время приостановила поступательное развитие науки, ибо не было возможности проводить полевые исследования, были найдены новые формы изучения культуры этих этнических групп. Так, велась работа в лагерях для военнопленных, как это делали *Д. Фокош-Фукс* и *Р. Лах*. В результате Революции 1917 г. многие финно-угорские народы получили автономию, во многом номинальную. Как самый положительный факт Ю.Й. Вихман отмечает у них подъем национального самосознания, появление интереса к изучению своей культуры. Он говорит о первых профессиональных ученых

³ *Wichmann Y.J.* Следы человеческих... С. 291–293. Более подробно об этом было сказано в разделе, посвященном *Н.И. Смирнову*.

⁴ *Wichmann Y.J.* Statistische Mitteilungen über Mordvinen, Thceremissen, Wotjaken und Syrjänen // FUF. 1901. Bd. 1. S. 234–235.

⁵ *Wichmann Y.J.* Wirkungen des Weltkrieges auf die finnisch-ugrieschen Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung // JSFOu. 1928. Vol. 44. S. 10–19.

из среды финно-угров России, в том числе упоминает и удмуртского ученого Кузубая Герда. Его перу принадлежит единственная рецензия на книгу *И. Мошегова*, коми-пермяцкого литератора, проживавшего в Финляндии и занимавшегося в то время общественно-политической критикой советского строя¹.

В те же годы Ю.Й. Вихман вновь обращается к истории и этнографии удмуртов, входит в редакционный совет по подготовке коллективной монографии «Финский род», которая должна была отразить достижения финно-угроведения за последние 100 лет. Написанный Ю.Й. Вихманом очерк истории и культуры народов коми и удмуртов для второго тома проекта был создан на основе личного знания жизни и быта этих народов, снабжен историческими, социологическими, антропологическими и лингвистическими материалами, а также почти исчерпывающим для того времени списком литературы².

Этнографическим изучением народов коми в 1907 г. занялся *Ууно Таави Сирелиус (U.T. Sirelius, 1872–1929)*, ученый, которого можно назвать «отцом финской этнографии»³. Он родился на Карельском перешейке, в селе Яяски (ныне — г. Лесогорск Ленинградской обл.) и происходил из потомственной пасторской семьи, сменившей свою шведскую фамилию Сиира на латинизированную Сирелиус. С 1883 г. учился в Выборгском классическом лицее, при поступлении в который сменил свое имя Ууно Давид на финскую форму Ууно Таави. Это была единственная финноязычная

школа в Выборге, ибо в большинстве школ города преподавание велось по-шведски. В числе его лицейских товарищей были многие впоследствии известные деятели Финляндии, например будущий министр путей сообщения Еркки Пуллонен, известный выборгский врач Антреа Карл Вилен и др.⁴ Уже в лицее он увлекся музыкой и живописью, что впоследствии помогло ему делать неплохие рисунки во время своих путешествий.

В 1891 г. после окончания выборгского лицея У.Т. Сирелиус поступил на философский факультет Александровского (Хельсинского) университета, специализировался по кафедре финского языка и литературы. Еще в студенческие годы он начал собирать коллекции для Выборгского музея. Это занятие сблизило его со своим земляком Теодором Швиндтом, блестящим археологом и этнографом, в то время работавшим хранителем этнографических коллекций Государственного исторического музея в Хельсинки. Одновременно он был куратором Выборгского землячества (финские студенты объединялись в Гельсингфорсе в землячества по месту происхождения, над которыми назначались кураторы из числа преподавателей Университета)⁵. Университетские годы были для У.Т. Сирелиуса временем общественного и политического пробуждения. Период его студенчества совпал с периодом обострения отношений между правительством Российской империи и правящими кругами Великого княжества Финляндского. У.Т. Сирелиус, уже тогда обладавший ярко выраженными лидерскими качествами и твердой гражданской позицией, был избран председателем полулегальной студенческой организации «Верных конституционалистов», поддерживающей т.н. младофинское крыло фенноманской партии, выступавшее против проведения «русификации» в Великом княжестве и ограничения «финляндских

¹ *Wichmann Yrjö Mösseg I. Väestökysymyksiä y.m. / Virttäjä. 1924. S. 83.*

² *Wichmann Y. Permilaiset kansat [Пермские народы. На финском языке] // Suomen Suku. Helsinki, 1928. Vol. 2. S. 313–331.*

³ *Шлыгина Н.В. История финской этнологии. М., 1995; Talgren A.M. U.T. Sirelius // Virttäjä. 1929; Härmäläinen A. U.T. Sirelius // Vahvoja-Aiki. 1929. S. 394–400; Itkonen T.I. Uuno Taavi Sirelius // Suomen Museo. 1930. Bd. 36. S. 1–3; Lehtonen J. U.T. Sirelius ja kansatiede [У.Т. Сирелиус как этнограф. На финском языке]. Helsinki, 1972; Vuorela T. U.T. Sireliuksen julkaistus // Suomen Museo. 1961. Bd. 68. S. 97–106; Он же. Ethnology in Finland before 1920 // The History of Learning and Science in Finland. Helsinki, 1977. Vol. 11.*

⁴ *Viipurin Klassillinen Lyseo. 1879–1929. Viipuri, [Выборгский классический лицей. 1879–1929. Выборг, 1929. На финском языке].*

⁵ *Haltsonen S. Theodor Schvindt. Kansatieilijä ja kotiseuduntutkija. Helsinki, 1947.*

вольностей»¹. Однако после всеобщей забастовки в 1905 г. организация была распущена, и У.Т. Сирелиус больше не занимался политической деятельностью, хотя долгие годы сотрудничал с младофинской газетой «Пяйвялехти», переименованной позднее в «Хельсингин Саномат».

Проблема выбора профессии, стоявшая перед У.Т. Сирелиусом, была несколько неожиданно на первый взгляд решена в 1897 г. Т. Швиндт во время своих отлучек или болезни оставлял помогавшего ему студента в качестве временного хранителя. Именно заболевший Т. Швиндт попросил своего земляка познакомиться с этнографическими собраниями музея приехавшего в Гельсингфорс венгерского этнографа Яноша Янко².

Я. Янош входил в группу ученых, объединившихся вокруг венгерского востоковеда и этнографа графа Ене Зичи. Последний в это время был занят поисками прародины венгров, которая, по его мнению, располагалась на Кавказе. Но после двух неудачных экспедиций в этот регион он решил расширить районы поиска — в Средней Азии, Сибири, Монголии и на Дальнем Востоке, вплоть до Китая³. По его плану Я. Янош должен был заняться исследованиями хранящихся в музеях России, в том числе и в Финляндии, предметов по рыболовству. Е. Зичи предполагал, что именно рыболовство было древнейшим занятием венгров и сопоставление орудий и способов лова рыбы окажется решающим моментом в решении проблемы этногенеза этого народа. Беседы с венгерским коллегой неожиданно привели У.Т. Сирелиуса к этнографии. Позднее он признавался: «*Похоже, что провидение приговорило*

меня к этнографии»⁴. Он, как и Е. Зичи, загорелся проблемой финно-угорского родства и возможностью решения этого вопроса с помощью анализа отдельных предметов материальной культуры разных народов. Впоследствии результатом его исследований стали трехтомный труд по рыболовству у финно-угорских народов и докторская диссертация.

В том же году У.Т. Сирелиус и Я. Янко отправились в поездку по России, работали в библиотеках и знакомились с музейными коллекциями Риги, Тарту, Санкт-Петербурга, Москвы, Смоленска и других городов. Находясь в России, У.Т. Сирелиус решил, по примеру Я. Янко, совершить экспедицию в Сибирь к обским уграм и достаточно быстро получил от Финно-угорского общества необходимые средства. Около 14 месяцев в 1898 г. и 1899–1900 гг. У.Т. Сирелиус в сопровождении своего земляка, ботаника Х. Штенберга провел «в поле», работая среди хантов и манси. Первоначально предполагалось совершить это путешествие совместно с венгерским ученым, но планы не осуществились, они остались добрыми коллегами, а позднее У.Т. Сирелиус откликнулся на смерть Я. Янко некрологом⁵. Скитаясь по таежным деревням, охотничьим зимовьям и стойбищам оленеводов, он собирал необходимый ему этнографический материал для будущей диссертационной работы⁶. Именно тогда в Зауралье финский ученый познакомился с коми и попытался разобраться в проблеме этнокультурных контактов между обскими уграми и коми. Например, У.Т. Сирелиус отмечал влияние коми на орнаментальные мотивы хантов, в частности в узорах вязаных изделий. В вышивке коми он находил сходство с мордвой⁷.

¹ Lehtonen J. U.T. Sirelius ja kansatiede. S. 30–31.

² Sirelius U.T. János Jankó // FUF. 1902. Bd. 2. S. 85–89; Balassa I. Jankó János, az etnográfus // Ethnographia; Kodolány J. Finnisch Ethnology in Hungary // Friends and Relatives. Budapest, 1985. P. 100–102.

³ Zichy Eugéne. Note de voyages en Sibérie // La Revue d'Europe. 1900. № 3–4; Herman O. Die Forschungsreisen des Grafen Eugen Zichi in Asien. «Dritte Reise». Budapest, 1900. Bd. 1.

⁴ Lehtonen J. U.T. Sirelius ja kansatiede... P. 38.

⁵ Sirelius U.T. János Jankó... S. 85–89.

⁶ Об этих путешествиях см.: Sirelius U.T. Reise zu den Ostjken // SUSKJ. 1983. Vol. 11. Русский перевод: Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

⁷ Сирелиус У.Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1907. Вып. 15; Он же. Изделия остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1910. Вып. 19. С. 58–63.

Уже в первых исследованиях У.Т. Сирелиус старался достичь «ясного теоретического фона», опираясь на принципы типологического, т.е. историко-генетического метода, основанного на эволюционной идее. Образцом для начинающего ученого служили методологические подходы к этнографическому материалу шведа Х. Столпе и венгра Я. Янко¹. Впрочем, У.Т. Сирелиус не был полностью поглощен идеями эволюционизма в духе работ Л.Г. Моргана. Скорее в его исследованиях ощущается влияние немецкой этнографии, в частности, возникшей еще у Ф. Ратцеля тенденции делать изучение предметов культуры самостоятельной задачей исследования. «Изучение предметов материальной культуры, например народной одежды и тканей, является, — отмечал У.Т. Сирелиус, — тем средством, с помощью которого можно проникнуть на различные уровни умственного развития человека, увидеть сцены жертвоприношений, образы божеств и сюжеты легенд, т.е. пролить свет на мировоззрение, представить картину мира наших предков, сохраняющуюся еще у некоторых наших родственников»². Кроме того, У.Т. Сирелиус использовал элементы теории культурных заимствований, разработанной в трудах ученых «культурно-исторической» школы в этнографии.

Большим достоинством У.Т. Сирелиуса как ученого было его постоянное стремление к саморазвитию и совершенствованию, в том числе и в области методологии науки. Несмотря на «лингвистическое» влияние его друга, профессора финского языка и литературы Е.Н. Сетеля, У.Т. Сирелиус отступал от традиционного принципа группировки финно-угорских народов, основанного на языковом родстве, рассматривал некоторые этнографические феномены в пределах определенных географических регионов. С течением

времени У.Т. Сирелиус выработал свой методологический подход. Он писал: «Изучение финно-угорской этнографии имеет большие перспективы, поскольку народы, являющиеся ее объектом, находятся на разных стадиях развития. Таким образом, быт народов, стоящих на более низких уровнях, способен пролить свет на ранний быт более развитых народов». В сущности, эта идея не нова и встречается в общей форме еще у **М.А. Кастрена**, который отмечал, что «различие отдельных языков зависит не от развития рас, а от различия ступеней культуры, на которых стоят отдельные народы»³. Тем не менее у У.Т. Сирелиуса эта идея применительно к этнографическому материалу находит более завершенное выражение.

Впоследствии метод, предложенный У.Т. Сирелиусом, был подвергнут серьезной критике его коллегами, отрицавшими возможность сохранения отдельных черт исходной культуры протофинно-угров до настоящего времени. Однако ученому удалось доказать, что традиционно-бытовая культура является одним из важнейших компонентов этнографии финно-угорских народов и что ее материалы необходимо учитывать при разработке проблем этногенеза, этнической истории и общественных отношений. Так, финский этнограф **Ильмари Маннинен** высказал мысль о том, что культура финно-угорских народов формировалась под сильным влиянием соседних народов и поэтому в наше время не имеет перспективы поиск некой единой линии культурного развития этих народов. Позднее эту точку зрения поддержал крупнейший финский этнограф XX в. К. Вилкуна⁴.

Являясь приверженцем идей национального романтизма, представители которого стремились выявить корни общефинской культуры, У.Т. Сирелиус в своих исследованиях стремился выявить новые формы общефинского родства. Одновременно, будучи по-

¹ *Niranen T. Pioneers of Finnish Ethnology // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica Ethnologica. 1. Tampere, 1992. P. 30.*

² Цит. по: *Загребин А.Е. Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999. С. 59.*

³ *Загребин А.Е. Финны об удмуртах... С. 60.*

⁴ *Manninen I. Johdato // Suomen Suku. Helsinki, 1934. Vol. 3. S. 40; Vilkkuna K. Kansatieteellinen tutkimus // Viritäjä. 1946. P. 353–355.*

борником эволюционной школы, он пытался определить истоки финской культуры. В его исследованиях проявляется стремление к изучению предметов материальной культуры, основные элементы которой, по его мнению, могут помочь исследователю проникнуть в различные области умственного развития человека, представить картину мира наших предков. Ибо, по мнению ученого, сравнительные разыскания в области материальной культуры являются определяющими в выявлении генезиса финно-угорских культур. Поэтому наряду с записями нарративов, т.е. устных текстов, У.Т. Сирелиус занимался сбором этнографических коллекций, которые начал собирать еще во время первых экспедиций 1888 и 1889–1900 гг. Причем собственные полевые материалы У.Т. Сирелиус активно использовал в своей фундаментальной работе о запорном рыболовстве финно-угров¹. Кстати, коми-зырянам и применяемым ими различным заграждениям для ловли рыбы посвящен отдельный раздел этого исследования².

У.Т. Сирелиус одним из первых для фиксации полевых наблюдений начал использовать фотоаппарат, что позволяло ему иллюстрировать свои публикации большим количеством фотографий, научная ценность которых в наши дни весьма высока, ибо они позволяют нам реально представлять традиционную культуру некоторых финно-угорских народов рубежа XIX–XX вв. В 1980 г. небольшая часть этих уникальных фотографий была опубликована в альбоме «Большая медведица» и в его книге «Путешествие к хантам»³.

В начале XX в. У.Т. Сирелиус был владельцем богатейшей коллекции этнографических фотографий по культуре финно-угров

и считался одним из ведущих европейских фотографов, прекрасно владевших не только мастерством техники, но и эстетикой фотографического искусства. При этом каждый полевой снимок детально аннотировался, а нередко исследователь создавал и антропологические фотопортреты: три изображения человека (анфас, профиль и вид сзади), записывал точные данные о возрасте, национальности, месте рождения, семейном положении, цвете глаз и волос, перенесенных болезнях и сведения о происхождении родителей⁴.

Неудивительно, что при такой исследовательской добросовестности У.Т. Сирелиус часто сталкивался с непониманием и недоброжелательностью со стороны своих информантов в местах исследований, в частности в коми селах. Вот что пишет ученый в своем дневнике: «Вообще чувствовалось, что напряженность нарастала. Праздновавшие по соседству проводы невесты, на которых выпивки было достаточно, подлили масла в огонь и привели к финальной сцене. Когда я пошел фотографировать находившееся неподалеку место сплава, навстречу попала компания пьяных мужиков и женщин, которые перекрыли мне дорогу. Я все же попытался пройти, но один из мужиков ухватился за стойку фотоаппарата. Начали кричать: “Что ты здесь делаешь, у тебя есть крест на шее, ты крещеный?” Кто-то вытащил из-под рубахи свой крест и указал на него. Я объяснил, что на моей родине крест ставится на куполе храма. Меня хотели отвести к волостному начальству. Кто-то пригрозил, что выкинет в реку»⁵.

Благодаря деятельности У.Т. Сирелиуса в Национальном музее Хельсинки была собрана значительная коллекция по финно-угорским народам, в том числе по народам коми. Последняя была собрана им во время т.н. пермской экспедиции 1907 г., когда он побывал у коми-зырян, пермяков и удмуртов⁶.

¹ *Sirelius U.T.* Über die Sperrfischer bei den finnisch-ugrischen Volkern. Eine vergleichende ethnographische Untersuchung // SUSKJ. Helsinki, 1906. Vol. 3.

² Там же. С. 123–138.

³ *Lehtinen Ildiko, Kukkonen Jukka.* Iso karhu. The Great Bear. Arkistokuva etaisten kielisukulaistemme asuinsijoilta. Volga-Finnic, Permian Finnic и Ob-Ugrian Peoples. Lahti, 1980; *Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам...

⁴ См., например: *Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам...

⁵ *Сирелиус У.Т.* Из путешествия по северо-востоку России // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 123.

⁶ *Шаранов В.Э.* Пермская экспедиция У.Т. Сирелиуса // Атлас Республики Коми. С. 126–127; *Загре-*

После возвращения из экспедиции к хантам он становится постоянным сотрудником Государственного этнографического музея. В 1906 г. У.Т. Сирелиус после ряда дополнительных этнографических и археологических экспедиций по Финляндии, а также научной командировки в Скандинавские страны и Германию успешно защитил диссертацию на соискание степени доктора философии, посвященную древнейшим способам рыболовства у финно-угорских народов. Вскоре увидела свет его монография, озаглавленная «О запрудном рыболовстве у финно-угорских народов» (1906), которая получила широкую известность в кругах финно-угроведов и способствовала утверждению его в должности доцента кафедры финно-угорской этнографии Гельсингфорского университета.

После совершенной У.Т. Сирелиусом в 1907 г. поездки к коми и удмуртам вся жизнь исследователя проходила в «экспедиционном» темпе. Он совместил несколько направлений: практическую работу в качестве руководителя этнографического отдела, а затем и директора Национального музея Финляндии с преподавательской — в должности профессора по кафедре финно-угорской этнографии Гельсингфорского университета. У.Т. Сирелиус продолжал полевую и камеральную работу этнографа-исследователя. Так, в 1911 г. он получил Александровскую стипендию университета для знакомства и работы в библиотеках и музеях Стокгольма, Берлина, Нюрнберга, Цюриха, Вены и Санкт-Петербурга с целью изучения материалов по охоте и резьбе по дереву. Затем он отправился в Архангельскую губернию, где также собирал сведения об одежде, охоте, народной архитектуре и резьбе по дереву¹. Его маршрут пролегал из Архангельска на реку Пинегу, затем по Онеге и побережью Белого моря до Канда-лакши и оттуда через северную Финляндию в Гельсингфорс. Из этой поездки он, как всег-

да, привез коллекцию фотографий и собрание образцов деревянной резьбы. Как сообщали «Известия АОИРС», «*доцент финно-угорской этнографии при Императорском Александровском университете в Финляндии, доктор философии У.Т. Сирелиус и художник В.И. Маттила командированы Финно-угорским обществом в Гельсингфорсе на 1 год для этнографических исследований в Архангельской и Олонецкой губерниях*»².

Продолжалась его преподавательская и общественная деятельность. Возглавив в 1921 г. кафедру финно-угорской этнографии, он фактически стал учителем большого числа финских этнографов, которые плодотворно работали на ниве этой науки. Одновременно У.Т. Сирелиус оставался заведующим этнографическим отделом Национального музея, где занимался систематизацией коллекций. Когда в 1928 г. было принято постановление Правительства Финляндии о том, что один человек не может совмещать должности заведующего кафедрой и заведующего этнографическим отделом, У.Т. Сирелиус ходатайствовал о назначении его на должность государственного археолога при Национальном музее. Но смерть помешала ему осуществить этот замысел.

У.Т. Сирелиус много и усердно работал, был плодотворным автором. Опираясь на высококачественный материал, музейные собрания и письменные источники, он издал несколько значительных трудов как по финно-угорской, так и по финской этнографии, освещая классические темы науки: народную архитектуру, историю народных костюмов, рыболовство, охоту и т.д.³ Однако венцом его научной карьеры стала подготовка двухтомника «Финская народная культура» (1919–1920), который считался образцовой работой по финской традиционной культуре фактически до начала 70-х гг. XX в.⁴

² Изв. АОИРС. 1911. № 16. С. 338.

³ Полную сводку библиографии работ У.Т. Сирелиуса см.: Suomen Museo. 1961. P. 96–107.

⁴ *Sirelius U.T.* Suomen kansanomaista kulttuuria [Финская народная культура. На финском языке]. Helsinki, 1919, 1921. Bd. 1–2. Рецензию на эту работу см.:

бин А.Е. Финны об удмуртах... С. 63; *Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliseltä matkalta permalaiskansain keskunteen kesää. 1907 // JSFOu. 1908. Vol. 25. S. 15–17.

¹ Forschungreisen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 29–30.

Столь яркая фигура финской науки, как У.Т. Сирелиус, достигший во всех сферах своей деятельности успехов, отличавшийся трудолюбием и честностью, невольно вызывала интерес и уважение современников, что, возможно, послужило причиной появления своего рода «легенды» о У.Т. Сирелиусе, когда все последующие финские этнографы, его преемники по кафедре финно-угорской этнографии, «измерялись» его масштабом как своеобразным эталоном. Отчасти это справедливо, поскольку У.Т. Сирелиус заложил основы, на которых базируется современная финская этнографическая наука.

В начале XX в. У.Т. Сирелиус поставил перед собой задачу расширения фактологической базы сравнительно-исторических исследований по жилищу, промыслам, рыболовству и хозяйственному укладу финно-угров. Поэтому в 1907 г. Александровский университет и Финно-угорское общее Финляндии выделили ему средства на проведение подобных этнографических разысканий у пермских народов: коми, коми-пермяков и удмуртов¹. По мнению финских исследователей, эти народы были изучены лишь с точки зрения языка и фольклора, а не этнографии (в 1894, 1901–1902 гг. у удмуртов и в Коми крае работал финский лингвист **Ю. Вихман**).

На основе своих первых опытов этнографических наблюдений в России У.Т. Сирелиус в 1902 г. перед своей очередной поездкой к российским финно-уграм готовит и публикует на русском языке специальную инструкцию для сбора сведений по рыболовству². Это первый вопросник, разработанный финскими учеными для изучения России. Он был разослан различным людям в России, но, по данным А.В. Загребина, ученый не получил ответов на свои запросы³. Такой результат не

разочаровал его. Позднее он составил еще одну программу на русском языке, на этот раз по обрядам жизненного цикла: рождение–детство–смерть⁴. Так как этот вопросник имеет номер 1, то можно предположить, что у ученого были планы продолжить эту деятельность. Несмотря на то что У.Т. Сирелиус уже много путешествовал по России и знал нашу страну, видно, что он мыслил категориями Финляндии. Например, в своем предисловии ко второй программе он пишет, что «она предполагается только вполне надежным и компетентным лицам, например, старым акушерам, могильщикам, знахарям и т.д.». Предполагая увидеть среди своих информантов этих лиц, вполне обычных у него на родине, он упустил из виду то, что подобных персонажей не было в финно-угорских деревнях, а повивальная бабка и местный языческий жрец чаще всего были неграмотными и заполнить вопросник не могли, если бы даже и согласились. Поэтому на этом поприще его также ожидала неудача. Ответы на вопросник прислал только марийский собиратель-краевед Т. Евсевьев; кроме того, их использовал в своих исследованиях **В.П. Налимов**⁵. Начавшаяся Первая мировая война сделала исследования финно-угорских народов при помощи специальных программ бессмысленными.

У.Т. Сирелиус начал свое т.н. «пермское» путешествие в июне 1907 г., выехав по железной дороге из Петербурга через Вятку до станции Мураши, с тем, чтобы добраться до села Летка. Отметим, что, следуя академической финно-угроведческой традиции начала XX в., У.Т. Сирелиус называет летских коми пермяками, что неверно. Летские коми говорят на одном из диалектов коми-зырянского языка. Как было сказано в очерке о Ю.Й. Вихмане, финская лингвистика вообще считала пермяцкий язык диалектом зырянского. Судя по записям исследователя в его полевом дневнике, далее маршрут его экспедиции по территории Коми

Harva (Holmberg) Uno. Sirelius U.T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki, 1919, 1921. Bd. 1–2 // АИКА. 1921. S. 300–302.

¹ Forschungreise // FUF. 1907. Bd. 7. S. 68–69.

² *Sirelius U.T.* Руководство для составления этнографического отчета о рыбной ловле у финских народов. Helsinki, 1902.

³ *Загребин А.В.* Финны об удмуртах... С. 116.

⁴ *Sirelius U.T.* Этнографические вопросные листы. I. Обычай и верования, сопряженные с рождением, детством и смертью. Helsinki, 1914.

⁵ *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 131–132.

края проходил через Усть-Сысольск — с. Вильгорт (на р. Сысоле) — с. Межадор — с. Мординское (на р. Локчим) — с. Усть-Кулом — д. Пожегдин (на р. Вычегде) — с. Скородум (на р. Вычегде) — с. Корткерос — и снова Усть-Сысольск¹. В середине июля У.Т. Сирелиус собирался посетить ижемских коми, проживающих в Архангельской губернии. Но по ряду причин (в частности, из-за огромной коллекции экспонатов, собранной исследователем, и сложного пути в северные районы) был вынужден отказаться от этого первоначального плана и ограничился приобретением традиционной одежды и утвари ижемских коми-оленьеводов, не выезжая из Усть-Сысольска. Уже в конце июля исследователь направился в Сарапульский уезд для проведения полевых этнографических исследований среди удмуртов.

При сборе материалов как у коми, так и удмуртов У.Т. Сирелиус уделял большое внимание не только охоте и рыболовству, что интересовало его в первую очередь, но и особенностям жилых строений, хозяйственному инвентарю, традиционной одежде и украшениям. Отметим, что коллекция экспонатов только по культуре коми, собранная в это время, насчитывает больше 400 предметов (различные элементы мужской и женской одежды, в том числе несколько десятков женских головных уборов, орудия прядения и ткачества, домашняя утварь и посуда, музыкальные инструменты и т.д.). По мнению В. Шарапова, к числу уникальных экспонатов можно отнести, в частности, женское украшение *моль перна*, состоящее из трех нательных крестов, а также смычок для *сигудка* с фигурной прорезной резьбой². Путешествуя по Коми краю, У.Т. Сирелиус сделал более сотни уникальных фотографий, из которых к настоящему времени опубликована лишь незначительная часть³.

¹ Forschungsreisen // FUF. 1907. Bd. 7. S. 67–68; *Sirelius U.T.* Permalaismatka muistinpano vihkoja, syrjaanit // Museovirasto: Kansatieteen kasikirjoitusarkisto. Цит. по: Шарапов В. «Пермская» экспедиция У.Т. Сирелиуса... С. 115.

² Шарапов В. «Пермская» экспедиция... С. 115.

³ *Lehtinen Ildiko, Kukkonen Jukka.* Iso karhu. The Great Bear...; *Sirelius U.T.* Из путешествия по северо-

Поэтому ценность этих материалов чрезвычайно велика. К сожалению, сам У.Т. Сирелиус при жизни не успел полностью обработать большую часть полевых материалов по традиционной культуре коми, собранных и записанных им в ходе экспедиции 1907 г. Лишь малая часть этих материалов была включена в различные публикации.

Например, сведения по народному жилищу у коми приводятся исследователем в его обобщающей работе по примитивным типам строений у финно-угров⁴. Данное исследование носит характер систематизации собранного автором материала по народной архитектуре у финно-угорских народов, их критического анализа и подведения итогов. В нем он впервые в финно-угорской этнографии классифицирует существующие жилые и хозяйственные постройки, выделяя в них два основных типа: строения с остроконечной крышей, восходящие к островерхому шатру, и строения с коньковой крышей, развившиеся от примитивного конькового шалаша (навеса). Причем его типология построена на основе теории пережитков — проблемы поиска первоначального, т.е. примитивного, типа. Как отмечал В.В. Богданов, откликнувшийся на выход книги рецензией, «автор остроумно отделяет шатровый островерхий тип от конькового, находя как тому, так и другому примеры самых примитивных сооружений»⁵. В.В. Богданов считает, что предложенная У.Т. Сирелиусом схема скорее говорит об эволюции жилища вообще, ибо оба главных типа, выделяемые им, могли появиться одновременно в одних и тех же «антропогеографических» условиях у разных племен, примеры чему и приводит финский ученый. Поэтому они не могут яв-

востоку России // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 118–125.

⁴ *Sirelius U.T.* Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker // FUF. 1906. Bd. 6. S. 76–103; FUF. 1907. Bd. 7. S. 55–128; FUF. 1908. Bd. 8. S. 8–59; FUF. 1909. Bd. 9. S. 17–113; FUF. 1911. Bd. 11. S. 23–123. Отдельное издание: Helsingfors, 1910.

⁵ *Богданов В.В.* Sirelius U.T. Über die primitiven wohnungen der finnischen und ob-ugrischen volker. Helsingfors, 1910 // ЭО. 1911. № 1–2. С. 262–265.

латься типичными ни в этническом, ни в эволюционном отношении при выявлении этногенетических проблем, а отражают в первую очередь регионально-природный характер. Возражая в некоторой степени против методологии У.Т. Сирелиуса, В.В. Богданов отмечает тщательность представленного исследования и обилие деталей. Поэтому оно может служить *«лучшим пособием и наиболее ценным источником для всех, кто занимается историей жилища»*. Действительно, книга У.Т. Сирелиуса — своеобразная энциклопедия народного жилища для современных исследователей. Также ученый посвятил специальную работу рассмотрению жилища у коми¹.

Рассматривая деятельность У.Т. Сирелиуса как исследователя традиционной культуры народов коми, следует отметить еще один важный момент. Понимая, что он один не справится с поставленными задачами, финский ученый завязал контакты с местными жителями, благодаря которым ему блестяще удалось справиться с выполнением научной и музейной программы. Так, в селе Вильгорт к исследователю в качестве переводчиков и проводников присоединились А.А. Чеусов и будущий этнограф, студент Московского университета **В.П. Налимов**, который в 1907 г. благодаря рекомендации У.Т. Сирелиуса стал стипендиатом Финно-угорского общества Финляндии². После отъезда ученого к удмуртам В.П. Налимов и А.А. Чеусов самостоятельно продолжили полевые исследования в селах Лозым, Пажга, Ыб и Вад по специальному опроснику, подготовленному финским исследователем. Зимой 1907 г. они выслали в Финляндию подробный отчет о проделанной работе (в настоящее время часть этих рукописных материалов хранится в фондах архива Финно-угорского общества)³.

¹ *Sirelius U.T.* Die syrjanische wohnung in ihrem verschiedenen entwicklungsstadien. Eine vergleichende untersuchung // MSFOu. 1928. № 58. S. 331–365.

² *Forschungsreisen // FUF.* 1907. Bd. 7. S. 68–69; 1908. Bd. 8. S. 234; 1909. Bd. 9. S. 211.

³ Характеристику материалов В.П. Налимова см.: *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов // Арт-Лад. Сык-

В селе Усть-Кулом финский исследователь работал вместе с А.Г. Кузивановой. В селе Скородум большую помощь У.Т. Сирелиусу оказал учитель местного начального земского училища Помоздинской волости А.И. Шомысов⁴. Впоследствии У.Т. Сирелиус длительное время поддерживал переписку со своими помощниками, получая от них необходимые консультации, и заочно руководил не только сбором полевых материалов по материальной культуре и охотничьим промыслам у коми, но и некоторыми археологическими разысканиями. В переписке, в частности, обсуждалась и возможность выступления с докладами А.А. Чеусова и В.П. Налимова на семинарах Финно-угорского общества в Хельсинки, а также их участие на предполагаемом Съезде финно-угорских народов (согласно материалам личной переписки финского исследователя, они хранятся в рукописном этнографическом архиве Музейного ведомства Финляндии). Там же находится открытка от **А.А. Цембера**, датированная августом 1907 г., с известием о возможности приобретения ряда экспонатов в селах Подбельск и Усть-Кулом для Национального музея Финляндии.

В 1907 г. А.А. Цембер активно помогал **У.Т. Сирелиусу**, который некоторое время жил у него дома. В своем дневнике об этом он сделал следующую запись: *«21 июня я с доцентом Гельсингфорского университета Уно Таави Сирелиусом выехал в Мордино собирать этнографические сведения. Пробыли в Мордино до 26 июня и собрали много одежды старинной и посуды и прочей утвари, имеющей чисто зырянское происхождение, а не перенятое у русских. (Эти предметы сегодня хранятся в Национальном музее Финляндии. — А.Т.) Уно Давидович сделал до 40 сним-*

тывкар, 1999. № 3. С. 130–135; *Шарапов В.Э.* Материалы В.П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов первой половины XX века // Арт-Лад. 2000. № 1. С. 144–146

⁴ *Sirelius U.T.* Matkakertomus kansatieteelliselta matkalta permalaiskansain keskuuteen kesällä 1907 [Путевой отчет об этнографическом путешествии. На финском языке.] // JSFOu. 1908. Bd. 25. S. 15–17.

ков фотографических. ...Сирелиус один уехал на Пожег и остановился в Скородуме у Алексея Шомысова. Тут он пробыл 5 дней и приехал в город ко мне 7 июля. Затем ездил по приглашению **Налимова** в Вильгорт и тут собирал различные вещи дня два»¹.

Позднее, в 1920-е гг., У.Т. Сирелиус, будучи уже профессором финно-угорской этнографии Хельсинкского университета, заочно познакомился с коми этнографом **Г.А. Старцевым** и получил от него в подарок серию фотографий по охоте и рыболовству у вымских и вычегодских коми.

Находясь в экспедиции по Коми краю, У.Т. Сирелиус посылал в Хельсинки обширные публицистические репортажи о своей поездке, которые были опубликованы в 1907 г. на страницах популярного столичного еженедельника "HELSINGIN SANOMAT".

По путевым заметкам У.Т. Сирелиуса видно, что сам он был несколько разочарован результатами экспедиции у коми и коми-пермяков, поскольку столкнулся с рядом непредвиденных с его стороны трудностей в общении с местным населением. Как пишет В. Шарапов, вероятно, находясь под впечатлением сибирских путешествий к «слегка замкнутым в общении, но уступчивым и послушным» жителям бассейна р. Обь, У.Т. Сирелиус был склонен объяснять недружелюбность, а в ряде случаев чрезмерную агрессивность по отношению к заграничному гостю со стороны коми населения отнюдь не собственным незнанием коми языка и определенных этикетных норм поведения, а «сильным размытием традиционных устоев». Представляется, что «романтические» впечатления известного финского ученого У.Т. Сирелиуса уже в начале XX в. объективно могли способствовать формированию в европейской академической среде представлений о «полностью обрусевшей» по своей культуре и укладу жизни, хотя и сохранившем свой язык, северном народе»².

В этих очерках, предназначенных для широкого круга читателей, исследователь пытался дать общий обзор культуры и образа жизни в Коми крае, при этом постоянно сопоставляя по большому счету разные величины — Великое княжество Финляндское и Европейский Север. Отсюда — разные формы жизни. С одной стороны, это понимание и сочувствие, с другой, — наоборот, отрицание, критическое описание. Во многом здесь наблюдается идеологическая подоплека. Не называя виновных в таком положении Коми края, он, как «младофинн», красочно показал свое неприятие российской действительности, куда так активно пыталась «завести» Финляндию русская администрация Николая II. Крайнее раздражение финского ученого вызывает распространение среди коми пьянства. К этому он возвращается в своих очерках несколько раз. Например, У.Т. Сирелиус пишет, что «зырянские праздники производят неприятное впечатление тем, что основной формой времяпрепровождения там является необузданное пьянство. В этом принимают участие как мужчины, так и женщины; не редкость и то, что опьяневшие родители дают попробовать из своих чаи даже грудным детям»³. Он пытается выяснить причину этого социального зла. По его мнению, этому способствуют, с одной стороны, достаточно высокие заработки местного населения от промыслов, а с другой — государство, которое поощряет его посредством повсеместного устройства винных лавок. Также, по мнению ученого, крайне слабо пропагандируется трезвость⁴.

У.Т. Сирелиуса тревожит проблема обрусения коми-зырян. Здесь он также высказывает двойственную оценку. С одной стороны, он отмечает, что в традиционной культуре, особенно в домашней и промысловой, еще сохраняется «жизнь предков, давно сошедших в могилу». С другой стороны, его беспокоит расширение использования русского языка

¹ Цембер А.А. Дневник. Сыктывкар, 1997. С. 34.

² Шарапов В. «Пермская» экспедиция... С. 116–117.

³ Сирелиус У.Т. Из путешествия по северо-востоку России... // Арт-Лад. № 3. С. 175.

⁴ Там же. С. 176.

в среде коми, что выражается в увеличении числа людей, говорящих по-русски, распространении школ, где преподается русский язык. И именно этот факт ученый определяет как главный «*русификационный фактор*». Подобный взгляд У.Т. Сирелиуса также объясним. В это время в Финляндии интеллигенция категорически выступала против введения русского языка в финской школе, считая это самым большим злом против своего народа. Они не понимали, что в условиях многонациональной Российской империи должен был быть общий язык, на котором могли изъясняться все жители страны. Заботило финского ученого и отсутствие национального самосознания у зырян. Главным признаком этого он считал отсутствие зырянской интеллигенции.

Положительно оценивая роль этих очерков в деле ознакомления финской общественности с жизнью «*сородичей по языку*», хотелось бы отметить, что их автор сделал в них, сознательно или несознательно, несколько ошибок, которые в общем не влияют на качество статей. Например: по его мнению, «*в отдаленных местах, например, в селениях по притокам Вычегды, мне рассказывали, что танец почти неизвестен зырянам. По крайней мере, сегодняшнее поколение не отличается особой песенной одаренностью. Даже те немногие песни, что можно услышать в деревне, в лучшем своем виде — переводные русские. Так что игры — редкость на зырянских празднествах*»¹. С этим положением нельзя согласиться.

В это время у коми существовал широкий пласт народного музыкального творчества (песен, плясок). Об этом писал и коллега У.Т. Сирелиуса **Ю.Й. Вихман**, побывавший в тех же местах в 1901–1902 гг. и записавший большое количество песенных текстов, которые, правда, были изданы лишь в 1916 г. в книге «Зырянская народная поэзия»². Но

У.Т. Сирелиус точно знал об этом. В настоящее время Д.А. Несанелис показал, что у коми-зырян были широко развиты игровые формы развлечений.

Говоря о коми-зырянской свадьбе, У.Т. Сирелиус обратил внимание на то, что все подарки, которые вручались невестой, перевязывались «*красивой вышитой лентой*». По-видимому, речь идет о тканых цветных узких поясках, которые специально изготавливались для свадьбы невестой. Вышивка у коми в это время была развита крайне слабо.

Заканчивая обзор очерков, хотелось бы остановиться еще на одной ошибке, на этот раз сделанной В.Э. Шараповым в комментариях к публикации на русском языке отчета финского ученого. В них У.Т. Сирелиус назван министром иностранных дел Финляндии³. Эту должность он никогда не занимал. Министром в действительности некоторое время был его друг, известный финский лингвист Э.Н. Сетеля. Впервые об этом необоснованно написали Д. Несанелис и В. Семенов, и эту информацию начали использовать другие исследователи⁴.

Интересно, что после экспедиции У.Т. Сирелиуса финские этнографы и фольклористы первой четверти XX в. больше не предпринимали длительных путешествий по Коми краю, несмотря на «*несистематическую изученность фольклора и этнографии*». Во многом этому способствовали различные политические события, в частности Первая мировая война и разразившиеся после нее революции. Тем не менее коми тематика продолжала присутствовать в их разысканиях.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры, в частности мифологических представлений коми народа, был сделан **Уно Нильсом Оскаром Холмбергом-Харва** (Holmberg-Harva Uno, 1882–1949), крупнейшим финским исследователем народных ве-

¹ Сирелиус У.Т. Из путешествия по северо-востоку России... С. 175.

² Wichmann Y.J. Syrjänische Volksdichtung // MSFU. 1916. Vol. 33.

³ Сирелиус У.Т. Из путешествия по северо-востоку России... № 3. С. 177. Примечание В.Э. Шарапова.

⁴ Несанелис Д.А., Семенов В.А. Одна родина — две судьбы // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 274.

рований у финно-угров¹. Он родился в семье пастора. В 1902 г. окончил гимназию в г. Або (Турку), после чего начал учиться на теологическом факультете Александровского (Хельсинкского) университета, после окончания которого был рукоположен в сан. Начав пасторское служение, У. Холмберг-Харва через некоторое время пережил духовный кризис и отказался от сана.

В 1907 г. У. Холмберг-Харва вернулся в университет, на этот раз на историко-филологический факультет, где стал заниматься исследованием народных верований и народной мифологии финно-угорских народов. На формирование его как ученого большое влияние оказали Карел Крон и Эдуард Вестермарк, ученые, которые к этому моменту имели мировую известность. Выдающийся финский фольклорист и этнограф К. Крон стоял во главе национально ориентированных финских этнографов². Именно он на кафедре финского фольклора Александровского университета разработал историко-географический метод исследования фольклорных текстов, которым широко пользовались ученые многих стран.

Эдуард А. Вестермарк (E.A. Westermarck, 1862–1939) по своим научным интересам отстоял от собственно финно-угорской этнографии, но его влияние на коллег на родине было велико. В основном он занимался общетеоретическими проблемами развития ранних этапов человеческого общества, а также проблемами происхождения религии и морали, семьи и брака. Свою экспедиционную деятельность он в основном вел в Северной Африке (7 полевых сезонов). Был сторонником британской социальной антропологии и пользовался методами социологических исследований. Вестермарк защитил докторскую диссертацию

в 1889 г. в Александровском университете, а позднее, в 1907–1918 гг., состоял там профессором моральной философии, но его основная преподавательская деятельность была связана с Лондонским университетом и Школой экономических и политических наук. В частности, к числу его учеников в Англии принадлежал Бронислав Малиновский. В 1918 г. Э. Вестермарк стал первым ректором восстановленной Академии Або, Шведского университета в г. Турку³. Он, в отличие от К. Крона, придерживался либеральных взглядов, которые были присущи шведскоязычной части финляндской интеллигенции и профессуры, и отрицательно относился к националистической деятельности фенноманов.

Именно Э. Вестермарк, исходя из теологической подготовки и практики У. Холмберга-Харва, посоветовал последнему заняться изучением вопросов дохристианских верований. Близкие учителю методы британской эволюционной школы в этнографии стимулировали сравнительное изучение религии примитивных народов впоследствии и стали основой научных исследований начинающего ученого. Позднее, когда в 1914 г. У. Холмберг-Харва претендовал на должность доцента сравнительного религиоведения в Гельсингфорсе, Э. Вестермарк писал: «Я сам посоветовал г-ну Хольмбергу, когда он учился у меня, заняться изучением религии финно-угорских народов на прочной научной основе»⁴.

К началу XX в. финской наукой был накоплен значительный материал по традиционной культуре всех финно-угорских народов России. Наибольших успехов достигли лингвисты, преуспевшие в сборе языкового и фольклорного материала. Но в такой сложной, трансформирующейся под влиянием христианства и ислама сфере, как языческие верования и мифологические представления, еще не проводилось специальных исследований. Проблему нехватки качественного этнографического материала профессор К. Крон предло-

¹ *Haavio Martti*. Uno Harva in memoriam // *Virittaja*. 1949. Vol. 53. S. 308–312; *Ravila P.* Uno Harva // *FUF*. 1951. Bd. 30. S. 289–291; *Anttonen V.* Uno (Holmberg) Harva as field ethnographer // *Uralic Mythology and folklore*. Edited M. Hoppal and J. Pentikäinen. Budapest, 1989. P. 33–48; *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 72–80.

² *Pentikäinen J.* Julius and Kaarel Krohn // *Bibliographica: Nordic Folklorists of the Past*. Uppsala, 1971. P. 11–13.

³ *Vuorela T.* Ethnology in Finland before 1920... P. 62.

⁴ *Anttonen V.* Uno Harva ja suomalainen uskontotiede // *Suomi*. Helsinki, 1987. № 118. P. 51.

жил разрешить путем проведения специальной программы полевых исследований среди родственных финнам народов на предмет изучения их мифологии и религиозно-магической практики. Исполнителями этого научного проекта должны были стать молодые ученые, особые надежды связывались с У. Холмбергом-Харвой, имевшим, с одной стороны, специальное теологическое образование, а с другой — превосходную теоретическую этнографическую подготовку.

Чтобы самому познакомиться с мифологией и еще сохранившейся религиозной практикой, он в 1911 г. отправился к удмуртам, а в 1913 г. — к марийцам. Поездка к удмуртам финансировалась из специального фонда канцлера Александровского университета. Главной задачей был сбор материала по религии (особенно представлений о душе, культе мертвых и родовых (семейных) жертвоприношениях)¹.

Таким образом, У. Холмберг-Харва стал единственным финским ученым, проводившим специальные этнографические исследования в области народных религий. В своем отчете Финно-угорскому обществу после этой экспедиции ученый указывал, что целью его путешествия «был сбор информации о представлениях, связанных с душой, культом умерших, и по возможности выявление основ, формирующих религиозную жизнь вотяков»². В результате была написана докторская диссертация, посвященная сравнительному анализу верований финно-угорских народов, связанных с водой и водными духами (божествами)³. Опираясь на собственные материалы, У. Холмберг-Харва пришел к выводу, что вера в антропоморфных духов-хранителей домашнего очага, лесов, воды и т.д. у пермских народов, в том числе у коми, возникла из обожествления всей природы, из тех природных сил, которые охраняли человеческую жизнь. Он рассматривал

подобную тенденцию обожествления с точки зрения человеческой психологии: «Древний человек персонифицировал природные явления и наделял их мыслительными способностями, которыми, как он полагал, можно управлять при помощи магии, жертвоприношений или молитв»⁴.

Большое влияние на становление У. Холмберг-Харвы как ученого оказал немецкий ученый Вильгельм Вундт с его теорией психологии народов (этнической психологии). В своей диссертации У. Холмберг-Харва, основываясь на идеях Э.Н. Сетеля и У.Т. Сирелиуса о языковом родстве финно-угорских народов, предполагал их культурное и религиозное единство. По мнению ученого, «у всех у них на стадии господства присваивающего хозяйства основой их религиозных представлений были верования, связанные с духами-хранителями (помощниками), которым поклонялись в священных роцах у воды и которые сформировались на основе культа почитания умерших предков, мертвых. Почитавшиеся ими антропоморфные божества — явление более позднее»⁵.

Таким образом, уже в ранней работе У. Холмберг-Харва стремился к созданию уравновешенной модели, как пишет Вейко Антонен, к некоей «теории баланса», в которой господствовавшее в то время в Финляндии мнение К. Крона о культе умерших предков как основе религиозных представлений финно-угорских народов являлось лишь частью более сложного религиозного комплекса, включающего не только преанимистические, но и анимистические представления. Подобная трактовка природы язычества была разработана в трудах британских этнологов и сформировалась у него под воздействием Э. Вестермарка. В этой книге специальный раздел посвящен анализу представлений о водных божествах у коми-зырян⁶.

¹ Forchungsreisen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 31.

² Цит. по: Загребин А.Е. Финны об удмуртах... С. 73.

³ Holmberg-Harva, Uno. Die Wassergotteiten der Finisch-ugrischen Völker // MSFOu. 1913. Vol. 32.

⁴ Holmberg U. Votjakkien taviaanjumala // Virittäjä. Helsinki, 1912. S. 99–106.

⁵ Holmberg-Harva U. Die Wassergotteiten...

⁶ Там же. С. 96–113. Русский перевод: Уно Хольмберг. Водяные божества у зырян // Арт-Лад. Сыктывкар, 1998. № 1. С. 104–113.

В очерке финский ученый показал великолепное знание русскоязычной литературы. Однако сам он у коми не был. Основные сведения по коми мифологии были извлечены им из статей *К.Ф. Жакова, К.А. Попова, Н.И. Смирнова, Г.С. Лыткина, Яновича, Хлопина, Н. Рогова*, а также финских ученых. Но чаще всего У.Т. Холмберг-Харва ссылается на публикации и записи *В.П. Налимова*, хранящиеся в архиве Финно-угорского общества в Хельсинки¹. Анализ источниковедческой базы ученого показывает, что он был знаком с архивом Русского географического общества. В своем очерке, посвященном зырянам, У.Т. Холмберг-Харва сравнивает почитание божеств (духов) воды у этого народа с материалом по вотьякам (удмуртам) и находит в них много общего, в первую очередь формы, способы и причины обращения к этим духам. При этом исследователь отмечает, что представления о духах воды сохранились у зырян вплоть до начала XX в., несмотря на то что они были христианизированы более 500 лет, и играли значительную роль в обрядовой жизни народа.

Позднее ученый принял активное участие в претворении в жизнь главного замысла своего учителя, профессора К. Крона — в обобщении материалов по дохристианским религиозным верованиям и мифологии финно-угорских народов. Это отразилось в большой коллективной работе, получившей общее название «Верования финского племени» — “Suomensuvun uskonnot” и состоявшей из шести томов. Из них четыре книги были написаны самим У. Холмбергом-Харвой и посвящены пермским финнам, саамам, марийцам и мордве. Остальные две книги содержали анализ верований обских угров, а также финнов и эстонцев.

Книга, посвященная коми и удмуртам, до сих пор остается самой полной сводкой данных о языческой религии пермских народов,

написанной на основе личных полевых исследований и многочисленных письменных источников, умело интерпретированных автором². В отличие от своих предшественников, *А.И. Шегрена* и *М. Кастрена*, которые основывали свои исследования на лингвистических данных, или сторонников К. Крона, исходивших из данных фольклора, У. Холмберг-Харва выработал свой метод исследования — на основе комплексного анализа всех возможных источников с обязательным привлечением материалов наблюдений за молениями. Автор дал типологическую классификацию народных верований с разделением языческих божеств на высших и низших и указанием предназначенных для них жертвенных животных. Ученый подробно описал календарную обрядность народов коми и удмуртов с сопутствующими обрядами молений и жертвоприношений. Кроме того, он показал влияние христианства на эти верования, а также сравнил их с древними верованиями других финно-угорских народов.

В начале своей работы, после краткого историко-географического и библиографического очерков, автор в обширной главе привел множество примеров, на основании которых он делает предположение, что стержнем традиционной религии пермских народов, в том числе коми, является культ предков. Как указывает В. Аннтонен, крупнейший финский исследователь научного творчества У. Холмберга-Харвы, необычность его исследовательских работ заключалась в новизне схемы, когда анализ общественных отношений, характера социальных групп, брака, родственных связей и правовых отношений опирался на религиозные мировоззрения, что было тогда довольно редким явлением в научной литературе³. Несмотря на то что методологические подходы У. Холмберга-Харва, примененные в работе, в наши дни кажутся несколько устаревшими, значение этой монографии не утрачено, по-

¹ Об этих материалах см.: *Терюков А.И.* Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В.П. Налимов... С. 130–135; *Шаранов В.* Материалы В.П. Налимова... С. 144–146.

² *Holmberg-Harva U.* Permalaiisten uskonto (The Religion of the Permian). Porvoo, 1914.

³ *Anntonen V.* Uno (Holmberg) Harva as a field-ethnographer // EUR. 1989. Vol. 1. P. 40.

скольку она построена на качественном, эмпирическим путем полученном фольклорном материале и многочисленных письменных источниках, умело интерпретированных автором, имеющим свой взгляд на проблему.

Известный финский фольклорист и этнограф Л. Хонко выделил три основных периода жизни и научного творчества У. Холмберга-Харвы. Ранний период (1909–1921) — в это время в его работах преобладают финно-угорская тематика и феноменология происхождения религии, продолжаются поиски в области теории генезиса религиозных верований. Период продолжающейся перспективы (1920–1933) — когда У. Холмберг-Харва приступает к исследованиям в области религиозных верований народов Северной Евразии на основе глубокого культурологического анализа. В период творческой зрелости (1933–1949) У. Холмберг-Харва освобождается от условностей общих генерализирующих теорий происхождения религий и в своих основополагающих работах в большей мере опирается на материальную основу фольклора и мифологии¹.

Успешная защита диссертации позволила У. Холмбергу-Харве в 1915 г. занять должность доцента кафедры сравнительного религиоведения Александровского университета. Тогда же У. Холмберг-Харва принял за большую работу, которая должна была охватить комплекс мифологических представлений и религиозных верований финно-угорских и сибирских народов. В 1917 г. он в последний раз провел полевые исследования в России, на этот раз у хантов и эвенков. В 1919 г. состоялась поездка У. Холмберга-Харвы в США, где в 1927 г. на английском языке были опубликованы две его обширные монографии: «Финно-угорская мифология» и «Сибирская мифология»². В результате широкомасштабных исследований мировоззрений финно-угорских и сибирских народов

в 1926–1927 гг. У. Холмберг-Харва совершил последнюю полевую экспедицию, направленную на изучение образа жизни и фольклора саамов-сколтов, живших близ г. Петсамо.

В 1926 г. его приглашают в Университет г. Турку, который был восстановлен в качестве учебного учреждения после закрытия в 1824 г. и перевода его в Гельсингфорс³. Здесь он возглавил кафедру социологии (этнографии). Переехав в Турку, У. Холмберг-Харва много сил вложил в становление нового университета, а также вместе со своим учителем К. Кроном стал одним из основателей Международного сообщества фольклористов (Folklore Fellows Communications), одной из крупнейших и авторитетнейших международных научных организаций, которая продолжает свою деятельность и в настоящее время.

Из числа финских этнографов, затрагивавших вопросы этнографии народов коми в начале XX в., следует упомянуть *Ильмари Маннинена* (*Ilmari Justus Andreas Manninen*, 1894–1935)⁴. Он родился в г. Выборге в семье священнослужителя. Его детство прошло в финляндской Карелии. В 1912 г. окончил лицей в Йоенсуу. В 1912–1916 гг. И. Маннинен учился в Александровском университете и получил диплом по истории и этнологии. Здесь он изучал историю Скандинавских стран, финно-угорскую этнографию, фольклористику.

В университетские годы он начал заниматься историей и этнографией Олонецкой Карелии, в частности народной одеждой, чему были посвящены его первые научные работы⁵. В них он активно использовал сравни-

³ The University of Turku. Turku, 1982.

⁴ Шлыгина Н.В. История финской... С. 56–58; *Äyräpää A.* Ilmari Manninen // Suomen Museo. 1935. S. 1–4; *Vilkuna K.* Ilmari Manninen (Nekrolog) // Virittäjä. 1935. S. 393–395; *Он же.* Ilmari Manninen // FUF. 1937. Bd. 24. S. 54–57; *Он же.* Ilmari Manninen // Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki, 1957. Bd. 13. S. 8–10; *Krompecher B.* Ilmari Manninen (Nekrolog) // Nyk. 1935. Bd. 49. S. 416–418; *Talve I.* Ilmari Manninen in Finland and Estonia // Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica. 1. Tampere, 1992. S. 50–76.

⁵ Список опубликованных работ И. Маннинена см.: *Hirsjärvi A.* Veröfentlichungen von Ilmari Manninen //

¹ *Honko L.* Uno Harva (1882–1949) // Biographica: Nordic Folklorists of the Past. Uppsala, 1971. P. 57–66.

² *Holmberg U.* Finno-ugric Mithology // The Mithology of all Races V. IV. Boston, 1927.

тельно-исторический метод, пытаюсь рассмотреть эволюцию отдельных деталей народного костюма. В эти же годы его начинает интересовать тема, которую мы сегодня называем местной, или локальной, историей. Он опубликовал работу по церковной истории прихода Липери, где служил его отец в шведское время. Тогда же в сферу его интересов попадает Северо-Западное Приладожье, куда он совершил несколько поездок. После завершения обучения И. Маннинен был оставлен в докторантуре. Его научным руководителем стал Карле Крон. Научная тема — народная медицина, достаточно новая тема, находящаяся между фольклором и этнографией. Одной из первых его работ в этом направлении стала большая статья «Золото, серебро и медь в финских магических заклинаниях»¹. Одновременно он работает в Финском национальном музее и преподает историю в средней школе в Наантали под Турку, а несколько позднее организует там музей. Позднее этому городку и находящемуся там женскому бенедиктинскому монастырю И. Маннинен посвятил небольшую книгу. В 1922 г. он защитил докторскую диссертацию, которая называлась «Демонические болезни в финских народных суевериях. Сравнительное изучение народной медицины»². Его оппонентом выступил доцент *Уно Харва-Холмберг*. В принципе это была инновационная работа, которая показала возможность использования фольклорных текстов в изучении народной медицины. В своей диссертации ученый привел большой сравнительный материал по другим финно-угорским народам, в частности по коми. Например, он ссылается на работы *В.П. Налимова*.

В том же году он был приглашен в Тарту, где стал директором Эстонского народного музея и фактически руководителем и организатором эстонской этнографии как науки. На

Kansatieteellinen Arkisto. Helsinki, 1957. Bd. 13. S. 179–190.

¹ *Manninen I.* Kulta, hopea ja vaski suomalaisissa taioissa. Kotiseutu, 1917. S. 40–54.

² *Manninen I.* Die dämonischen Krankheiten im finnischen Volksaberglauben // FFC. 1922. Bd. 45.

этот пост он был рекомендован профессором археологии А.М. Тальгреном, который был приглашен эстонскими властями для чтения лекций в Тарту³. А.М. Тальгрэн характеризовал его как человека, хорошо знающего организацию работы музеев в Скандинавских странах. В Эстонии И. Маннинен провел 6 лет, начиная с 1 июля 1922 г. Он был вторым финским ученым, направленным финляндским правительством от Университета Турку и Финского национального музея для оказания практической помощи молодой Эстонской Республике. И. Маннинен использовал эти годы для знакомства с этнографической наукой Германии, Польши и Венгрии, а также для ежегодных поездок по Эстонии. В 1928 г. он посетил эстонскую Ингерманландию, а также побывал в Москве и Ленинграде. Как пишет Ю.Ф. Лиинус, И. Маннинен фактически внедрил в Тарту принципы современного музееведения. Он расширил собирательскую деятельность. До него эстонские этнографы в основном занимались сбором декорированных предметов, а сам музей в большей степени был музеем эстонского прикладного искусства.

И. Маннинен считал, что необходимо расширить ассортимент собираемых экспонатов и не следует бояться дубликатов при их сборе. По мнению ученого, «для научного изучения большой запас вариантов — большая удача. При изучении географического распространения типов предметов часто полезным является наличие дубликатов. Существует достаточно много явлений, которые наблюдаются лишь в отдельных местностях. Без достаточного запаса дубликатов трудно определить границы распространения этих явлений. Установление же упомянутых границ может прояснить историю соответствующих явлений и благодаря этому осветить отношения между Эстонией и соседними народами в древности, а также отношения между отдельными уездами и культурными провинциями Эстонии».

³ *Лиинус Ю.Ф.* А.М. Тальгрэн и эстонские музеи // Скандинавский сборник. Тарту, 1983. Т. 28. С. 139.

И. Маннинен был сторонником культурно-типологического метода в изучении материальной культуры народов. Одновременно он понимал, что необходимо картографировать все явления народной культуры. Для этой цели он составил вопросники-программы по разным отраслям культуры (это показывает, что финский ученый хорошо знал опыт работы Русского географического общества). Для их заполнения И. Маннинен использовал учителей и учащихся сельских школ. Одновременно под его руководством началась подготовка основной экспозиции, посвященной эстонцам, которая была открыта в 1927 г., а в 1928 г. были экспонированы коллекции по остальным финно-угорским народам.

Одновременно он преподавал в местном университете, читая курсы по этнографии, в частности по этнографии финно-угорских народов¹. Позднее на их основе он написал книгу «Финно-угорские народы» на финском и немецком языках². В этом исследовании отдельная глава посвящена народам коми. В ней дается общий обзор традиционной культуры коми-пермяков и коми-зырян. Некоторые материалы по коми этнографии использовались им в других работах, в частности в статьях, посвященных сравнительному рассмотрению средств передвижения и одежды финно-угорских народов³.

Но научного признания ученый добился благодаря книгам по традиционной культуре эстонцев — «Истории эстонской народной одежды» и «Материальной культуре эстонцев» в двух томах, которые до настоящего времени остаются ценнейшими этнографическими источниками и классическими спра-

вочниками по традиционной культуре эстонцев⁴. Первая из них была выполнена по образцу классической для этого раздела финской этнографии книги *У.Т. Сирелиуса* «История финского народного костюма»⁵. Также он опубликовал несколько работ по сету.

После возвращения в Финляндию И. Маннинен в 1929 г. становится заведующим этнографическим отделом Национального музея, сменив на этом посту *У.Т. Сирелиуса*, и одновременно доцентом финно-угорской этнографии Хельсинкского университета. Во время пребывания в Эстонии он совершил несколько поездок за пределы Финляндии: в 1922 и 1925 гг. — в Швецию; в 1924 г. — в Польшу, Германию, Венгрию, Чехословакию и на Балканы. Похоже, он был одним из последних финских этнографов, побывавших в 1928 г. в СССР. Результатом этой поездки стали несколько статей, в которых он познакомил своих коллег в Финляндии с постановкой изучения финно-угорских народов в Советском Союзе.

Продолжалась и научная деятельность И. Маннинена. В 1931 г. он опубликовал статью, которая стала концептуальной, ибо в ней он впервые соотнес генетическое родство по языкам и различия в культуре. Рассматривая некоторые пережитки собирательства диких растений у народов севера Евразии, в первую очередь у финно-угров, он исходил из постулата о том, что народы, обитающие в сходных климатических условиях, должны употреблять в пищу одни и те же биологические виды растений. Но исследователь обнаружил, что это не соответствует действительности. Оказывается, что у разных народов, не связанных между собой родством, могут существовать одинаковые предпочтения к ягодам, травам, грибам, кореньям и в то же время различные способы их приготовления, что говорит о региональных особенностях, обусловленных другими фактора-

¹ Линнус Ю.Ф. Финский ученый Илмари Маннинен и эстонская этнография // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. 29. С. 104–114; *Luts Arvid*. The teaching of ethnography at the University of Tartu // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica*. 1. Tampere, 1992. S. 77–84.

² *Manninen I*. Suomensukuiset kansat [Финно-угорские народы. На финском языке]. Pöörvo, 1929; *Он же*. Die finnisch-ugreischen Völker. Leipzig, 1932.

³ *Manninen I*. Fortbewegungs — und Transportmittel. Dei Kleidung // *Kansatieteellinen Arkisto*. 13. S. 11–178.

⁴ *Ränk G*. Ilmari Manninen and Estonian Ethnography // *Acta Ethnologica*. 1936. P. 124–126.

⁵ *Sirelius U.T*. Suomen kansanpukujen historia. Helsinki, 1915.

ми, а не родством¹. Поэтому в предисловии к третьему тому «Финского племени», редактором которого он был, И. Маннинен говорит, что невозможно доказать общность происхождения культуры финно-угорских народов на основе этнографических материалов. По его мнению, они слишком давно расселились в различных регионах и подверглись определенному влиянию своих соседей, а общие и древние формы культуры погребены под позднейшими слоями. Поэтому в решении этногенетических проблем следует учитывать региональный фактор и подход. По его мнению, ученые должны обратить внимание на взаимосвязи прибалтийско-финской и русской культур, ибо влияние последней — один из главных факторов наличия общих черт в культуре финно-угорских народов, расположенных далеко друг от друга².

Ровесником У. Холмберга-Харва и И. Маннинена был известный финский этнограф и лингвист **Альберт Хямляйнен** (*Alberet Hämäläinen*, 1881–1949). Он родился в с. Леписто, на севере Центральной Финляндии, в крестьянской семье³. В 1902 г. после окончания лицея г. Хямеенлинна продолжил образование в Александровском университете в Гельсингфорсе, где занимался изучением финно-угорской лингвистики под руководством профессора Х. Паасонена и доцента **Ю. Вихмана**. Тогда же определились и его научные интересы: русский язык и литература, финно-угорская этнография и музейное дело⁴.

¹ *Manninen I.* Überreste der Sammlerstufe und die Notnahrung aus dem Pflanzenreich bei den nordeurasischen, vorzugsweise der finnischen Völker // *Eurasia Septentriionalis Antiquae*. 1931. Bd. 6.

² *Manninen I.* Johdanto // *Suomen Suku*. Helsinki, 1934. Bd. 3. S. 35.

³ *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 66–72; *Itkonen T.I.* Albert Hämäläinen // *Suomen Museum*. 1950. Vol. 57. S. 73–76; *Vilkuna K.* Albert Hämäläinen // *Virittäjä*. 1935. P. 498–501.

⁴ *Räsänen R.* Albert Hämäläinen — champion of Finno-Ugrian ethnology // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica*. 1. Tampere, 1992. P. 103–125.

Успешно завершив университетский курс наук, как подающий большие надежды магистр философии А. Хямляйнен получил в 1907 г. стипендию на проведение в течение трех лет полевых исследований среди финноязычных народов России и стажировку в научных центрах Западной Европы. Этому во многом способствовало высказывание одного из его учителей, крупнейшего финского этнографа, проф. **А.О. Хейкеля** о том, что «прежде чем заниматься умозрительными построениями, Вы должны ознакомиться с реальными фактами. Иными словами, если Вы хотите проникнуть в область материальной этнологии, Вы должны обратить свое внимание на местные музеи для того, чтобы Ваш взгляд был в состоянии отличить различные категории сходных предметов»⁵. А.О. Хейкель, таким образом, предложил своему молодому коллеге познать душу народа через его быт и культуру, занявшись полевыми наблюдениями. В первой половине 1908 г. А. Хямляйнен отправляется в Поволжье. Здесь он, несмотря на рекомендации А.О. Хейкеля, сконцентрировал внимание на изучении дохристианских верований и семейно-родовых обрядов, хотя и интересовался некоторыми сторонами материального производства финноязычных народов этого региона. Основным маршрут его путешествия прошел через районы, населенные мордвой, удмуртами и марийцами⁶. Так, одной из первых его научных публикаций стала статья, посвященная жертвоприношениям у черемисов (марийцев), проиллюстрированная фотографиями и рисунками, показывающая, что он прекрасно освоил методику проведения полевых исследований финских ученых, которая требовала обязательного использования этих форм фиксации⁷. В проме-

⁵ *Lehtinen I.* Feld expedition as source of Finno-Ugrian Ethnology // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology / Studia Fennica, Ethnologica*. 1. Tampere, 1992. P. 43.

⁶ *Hämäläinen A.* Matkakertomus [Рапорт о путешествии. На финском языке] // *JSFOu*. 1908. Bd. 25. S. 19–22.

⁷ *Hämäläinen A.* Tšeremissiläistä uhritapoja [Черемисские жертвоприношения. На финском языке] // *JSFOu*. 1908. Bd. 25. S. 1–17.

жутке между экспедициями в Поволжье А. Хямяляйнен работал ассистентом библиотекаря в Славянской библиотеке Александровского университета, а также переводчиком Финляндского сената.

Результатом этой поездки стала диссертация, посвященная сравнительному анализу свадебной обрядности у мордвы, марийцев и удмуртов, которая была завершена им в 1913 г. В том же году она была опубликована Финно-угорским обществом¹. Хотя его официальный оппонент *У.Т. Сирелиус* подверг диссертацию серьезной критике, она была доброжелательно принята коллегами. Спор разгорелся вокруг методологических приемов, использованных диссертантом. А. Хямяляйнен в своей работе опирался на популярные в то время в европейской этнологии идеи своего соотечественника, профессора Лондонского университета Э. Вестермарка. Последний в книге «История человеческого брака» отстаивал тезис о вечности моногамной семьи, исходя из биологической основы брачно-половых отношений². В сравнительной части работы, в которой имеются материалы и по коми, А. Хямяляйнен выделил местные и заимствованные элементы свадебных обрядов, что свидетельствует об определенном влиянии на его научное мировоззрение диффузионистских идей. Он не только обратился к новой для финно-угорской этнографии проблематике, но сделал это, опираясь на передовые для его времени методологические подходы. В своей диссертации А. Хямяляйнен высказался против предложенной профессором *И.Н. Смирновым* гипотезы о существовании у финно-угорских народов «гетеризма», или «первобытного промискуитета» в системе семейно-брачных отношений, обоснованной им в своих монографиях по этнографии поволжских финно-угров. Только этим, по мнению Н.И. Смирнова, можно было объяснить, с одной стороны, наблюдавшуюся у них большую сексуальную

свободу, а с другой стороны, наличие близкородственных брачных связей. Близкие к Н.И. Смирнову идеи высказывал и А.Н. Максимов³. А. Хямяляйнен на основе своих полевых наблюдений и интерпретации русскоязычной литературы приходит к выводу, что у финноязычных народов Поволжья существовала ярко выраженная традиция, по которой у них были запрещены браки между родственниками⁴.

Неприятие его работы таким авторитетным ученым, как У.Т. Сирелиус, очевидно, послужило одной из причин того, что следующие 10 лет жизни А. Хямяляйнен провел в «добровольном изгнании», работая в основном учителем в лицее г. Хямеенлинна, который некогда закончил. Однако А. Хямяляйнен каждое лето проводил в этнографических поездках по Финляндии и внимательно следил за новыми веяниями в мировой этнографии. Например, он в 1911 г. направился в Австрию, где работал в Венской библиотеке и установил контакты с австрийскими учеными. В 1914 г. он провел лето в Лондоне, знакомясь с английской этнологической школой. Позже, в 1922–1923 гг., он работал в музеях Лейпцига и Берлина⁵. На научные взгляды А. Хямяляйнена в то время несомненное влияние оказали Эд. Тейлор и Дж. Фрэзер. Сам он причислял себя к сторонникам эволюционистско-психологического направления в этнологии. В 1924–1931 гг., после смерти основателя этого музея и его первого директора А.О. Хейкеля, А. Хямяляйнен становится директором музея под открытым небом «Сеурасаари» и одновременно куратором Национального музея в Хельсинки.

В 1920 г. он издает одну из лучших, во многом передовую для финно-угорской этнографии книгу «Субстанция человеческого тела в магических обрядах финно-угорских

¹ *Hämäläinen A.* Mordvalaisten, tseremissien ja votjakkien kosinta -ja häätavoista // JSFOu. 1913. Vol. 29. S. 1–311.

² *Westermarck T.* The history of human marriage. L., 1901.

³ *Максимов А.Н.* Что сделано по истории изучения семьи. М., 1901.

⁴ Более подробно о взглядах финских этнографов на проблему брака и семьи у российских финно-угров см.: *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах... С. 141–144.

⁵ *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии... С. 54.

народов». В ней он придерживался концепции Дж. Фрэзера о вере людей древности в колдовскую силу¹. По сути, это первая попытка проведения этнопсихологического исследования симпатической магии финно-угорских народов, осуществленная на широком сравнительном фоне. Альберт Хямляйнен в основном сосредоточился на анализе традиционных для финно-угорских народов поверий и запретов, связанных с человеческим телом, а также на представлениях о возможности оказания влияния на состояние и разум человека через воздействие на предметы, соприкасавшиеся с его телом. По методам исследования и рассматриваемой проблематике в один ряд с его работой можно поставить лишь упомянутую книгу о колдовстве у коми *А.С. Сидорова*².

В 1931–1949 гг. А. Хямляйнен возглавлял кафедру финно-угорской этнографии Хельсинкского университета. В это время появился ряд его новых работ. В них сходство обычаев у разных финно-угорских народов исследователь рассматривал чаще всего как результат заимствований, хотя и считал, что некоторые явления могли возникнуть конвергентно. Таким образом, А. Хямляйнен иногда отходит от эволюционизма своих предшественников и учителей. К подобным выводам его подтолкнуло то, что сходство обычаев и обрядов наблюдается у разных народов, не всегда связанных генетическим родством. Но в то же время он постоянно сомневался и занимал позицию между эволюционизмом и школой культурных кругов, иногда противопоставляя последней традиционные для финской этнографии положения, которая всегда рассматривала развитие тех или иных явлений культуры народа с генетической точки зрения³. Особенно часто эволюционный метод

использовался А. Хямляйненом в работах по материальной культуре финно-угорских народов для того, чтобы показать в ретроспективе развитие отдельных элементов культуры и восстановление общей пракультуры этих этносов. Свидетельством его объективности и научной наблюдательности было то, что он отмечал большое влияние русских на обрядность финно-угорских народов⁴.

Следует упомянуть еще об одной работе, в которой ученый касается коми-зырян, — «Черемисские и зырянские бани»⁵. В ней прослеживается воздействие на идеи автора эволюционной линии развития жилища у финно-угорских народов — от полуземлянки до наземного деревянного дома, которая была предложена А. Хейкелем и Н. Сеттеля. А. Хямляйнен приводит новые материалы в подтверждение этой теории, привлекая для этого типологию бани у марийцев и коми, у которых он находит постройки со скрытыми в земле нижними венцами. Если для характеристики марийцев он приводит материалы собственных полевых наблюдений, то по коми, в первую очередь по коми-пермякам, он использует данные книги *И.Н. Смирнова*. Последний рассматривал бани как древнейший тип постройки и строительной техники у коми. Исходя из наличия у финнов полуподземного жилища *pirtti* и полуподземной сауны, А. Хямляйнен видит в этом дополнительное подтверждение финно-угорского родства. Кроме того, он приводит мнение о том, что, возможно, финский термин «сауна» (*sauna*) связан с коми-зырянским словом *чом*, которое обозначает холодную пристройку в доме, и с немецким и коми-ижемским *чум* — переносным разборным жилищем оленеводов. Здесь следует отметить одну неточность, которую автор допустил при общем описании коми-зырянского жилища. Правильно отмечая деление дома у коми на три части — жилую, хозяйственную часть (*кум*) и помещение домашних

¹ *Hämäläinen A.* Ihmisruumiin substanssi suomalais-ugrilaisten kansojen taikuudessa. Taikapyskologinen tutkimus // MSFOu. 1920. Vol. 47.

² *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. Л., 1928.

³ *Hämäläinen A.* Suomalais-ugrilaisen kansatieteen nykyisestä asemasta // Valvoja-Aika. 1939. P. 1–2.

⁴ *Шлыгина Н.В.* История финской этнологии ... С. 54–56.

⁵ *Hämäläinen A.* Tšeremissen ja syrjäänien saunoista // Suomen museo. 1926. Bd. 33.

животных (*карта*), — он считает, что жилье и помещение для животных — это одно помещение. На самом деле это разные, отдельные части жилища, лишь объединенные одной крышей и разделенные стеной¹.

Несмотря на то что сам А. Хямляйнен не посещал народы коми в ходе своих путешествий по России, он постоянно и активно использовал материалы по этнографии коми в своих сравнительно-исторических исследованиях. Также ученый посвятил исследованию этого народа специальные статьи. Например, он единственный из финских ученых, серьезно занимавшихся историей христианизации коми и ролью **Стефана Пермского** в культуре коми.

В 1908 г. он опубликовал специальную статью «Рассказ Епифания Премудрого о Святом Стефане и древнем народе коми», написанную на основе русских источников². До него **Стефан Пермский** привлек внимание лишь **Ю.И. Вихмана**, но последний обратился к деятельности первосвятителя коми-зырян как лексикограф, изучая лексический состав древнепермского языка с целью выявления в нем заимствований из церковнославянского и русского языков³. Статья А. Хямляйнена начинается с биографии автора жития — **Епифания Премудрого** — и его деятельности. Затем следует жизнеописание Стефана, включающее его деятельность по крещению предков современных коми. Отдельно рассматривается вопрос о создании Стефаном древнепермской письменности. Причем А. Хямляйнен подчеркивает, что зыряне стали вторым после венгров финно-угорским народом, получившим письменность. Далее рас-

¹ *Hämäläinen A.* Tšeremissen ja syrjäänien saunoista... P. 26–27.

² *Hämäläinen A.* Epifanij Viisiaan antamant tiedot Pyhästä Tapanista ja hänen aikuissistaan syrjääneista // *Epifanij Viisiaan tiedot.* Suomi, 1908. № 2, 4, 6. Имеется перевод на коми язык: Епифаний Премудролön вежа Стефан да важ коми войтыр йылысь висьталом // Арт-Лад. Сыктывкар, 1999. № 2. С. 124–135.

³ Об этом см.: *Бартец Р.* Вежа Степанлон вичко терминология. (Церковная терминология святого Стефана. На коми языке) // Арт-Лад. Сыктывкар, 1997. С. 40–48.

сматриваются деятельность остальных пермских епископов, политическая история региона и вхождение Коми края в состав Московской Руси, а также источниковедческое значение жития для выявления древней культуры народа коми. В заключении финский ученый очень высоко оценивает информационную ценность сочинения Епифания Премудрого и не соглашается с мнением митрополита **Евгения** и академика **А.И. Шегрена**, которые видели в нем скорее прекрасное литературное произведение, нежели историческое сочинение. Правда, ученый отмечает, что к житию надо относиться должным образом, отличая правду от вымысла⁴.

Позднее А. Хямляйнен обращался к этому вопросу несколько раз. Как оказалось, последняя научная работа исследователя, опубликованная уже после его смерти, также была посвящена Стефану Пермскому⁵. Она во многом повторяет положения предыдущей статьи, посвященной этому церковному деятелю.

Заканчивая характеристику А. Хямляйнена как этнографа и рассматривая его вклад в изучение и популяризацию сведений о традиционной культуре коми, следует отметить, что большая часть его научной деятельности пришлось на период становления независимого Финляндского государства. Это был период, когда финские ученые не имели возможности проводить свои экспедиционные исследования в СССР. Так, Пентти Аалто в обзоре деятельности Финно-угорского общества за 1933–1958 гг., рассматривая деятельность финских ученых в изучении этнографии и лингвистики народов коми, упоминает только **Т.Э. Уотила**, в частности его поездку в начале 1930-х гг. к коми-ижемцам в р-не Петсамо (Печенги) и работу в 1942 г. в среде коми военнопленных⁶.

⁴ *Хямляйнен А.* Епифаний Премудролön вежа Стефан... С. 134.

⁵ *Hämäläinen A.* Der Hl. Stephan, der Apostol der Syrjänen // *MSFOu.* 1950. Vol. 98. S 53–72.

⁶ *Aalto P.A.* Suomalais-ugrilaisen Seura. 1933–1958 // *JSFOu.* 1958. Vol. 60. P. 28.

Наоборот, контакты с финскими учеными для многих советских этнографов, представителей национальной интеллигенции, становились опасными. В 1930-е гг. многие из исследователей были объявлены финскими шпионами, буржуазными националистами, вредителями, работавшими на «*финских профессоров-фашистов Сирелиуса, Хямяляйнен, Вихмана*», и уничтожены¹. Советское руководство имело определенные основания для таких утверждений. Например, А. Хямяляйнен участвовал в Гражданской войне в Финляндии на стороне белофиннов в качестве переводчика и сотрудника пресс-отдела Финляндского генерального штаба. Финские этнографы исполняли свой гражданский долг во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. и Второй мировой войны 1941–1944 гг. на стороне, враждебной СССР. Не избежал этой участи и А. Хямяляйнен. Этому не помешало даже то, что сразу после завершения т.н. «Зимней войны» (советско-финского конфликта 1939–1940 гг.) он был единодушно избран первым председателем общества «Финляндия — СССР» и активно ратовал за улучшение отношений между этими странами. Во время «войны-продолжения» (так называют в Финляндии Великую отечественную войну 1941–1945 гг.) он служил начальником пресс-отдела Генерального штаба Вооруженных сил Финляндии. Позднее в качестве сотрудника разведывательного отдела Генштаба занимался организацией лагерей для советских военнопленных. Возможно, с его подачи **Т.Е. Уотила** начал сбор лингвистических и этнографических материалов среди представителей финно-угорских народов в финских лагерях. В 1943 г. он занимался организацией репатриации ингерманландских финнов, води и ижоры с оккупированной немцами территории Ленинградской области в Финляндию через Эстонию. Именно в это время им был создан и опубликован великолепный альбом по Ингерманландии.

Прежде чем закончить этот раздел, хотелось бы упомянуть еще одного финского ученого, научно-исследовательская деятельность которого также была связана с изучением коми языка и культуры среди военнопленных. Речь идет о **Т.Э. Уотиле**. Научная деятельность этого лингвиста началась в 1930-е гг., когда благодаря его усилиям были завершены и опубликованы исследования его учителя — **Ю.Й. Вихмана**. Собственные этнографические материалы Т.Э. Уотила, собранные среди коми военнопленных, оказавшихся в плену в Финляндии в 1941–1945 гг., и опубликованные в 1985–1995 гг., лежат за пределами хронологических рамок нашего исследования. Но так как этот материал восполняет огромную лауну в этнографических исследованиях, возникшую в Коми АССР в 1930-е гг. по политическим причинам (об этом см. в главе 6), то мы остановимся на его деятельности и попытаемся оценить собранный им материал.

Тойво Эмиль Уотила (Uotila Toievo Emil, 1897–1947) — крупнейший финский лингвист первой половины XX в.² В 1921 г. он окончил Хельсинкский университет, был учеником **Ю.Й. Вихмана**. Более 15 лет преподавал финский язык в разных школах и занимался изучением различных финно-угорских языков. В 1933 г. защитил докторскую диссертацию по истории системы согласных в пермских языках³. В этом же году стал доцентом кафедры финно-угорского языкознания Хельсинкского университета, где читал лекции по коми и удмуртскому языкам. В начале 1930-х гг. собирал материалы среди коми-ижемцев, оставшихся на территории Финляндии после передачи последней согласно Юрьевскому (Тартускому) мирному договору района Петсамо (Печенга). В 1938 г. вышла в свет его «Зырянская хрестоматия с грамматическим очерком и этимологическим

² Туркин А.И. Уотила Т.Э. // Коми язык: энцикл. М., 1998. С. 505–506; Itkonen E. T.E. Uotila // Virittäjä. 1947. № 51. S. 203–206; Ravila Paavo. T.E. Uotila // FUF. 1951. Bd. 30. S. 34–36.

³ Она была опубликована отдельной книгой: Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in der permischen Sprachen // MSFOu. 1933. Vol. 65.

¹ Куликов К.И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. Об этом подробнее см. в гл. 6.

словарем»¹. Эта книга написана на основе художественных произведений коми писателей, созданных и опубликованных на коми языке в послереволюционные годы. Она свидетельствует, что Т.Э. Утила пристально следил за литературой, издаваемой на коми языке, которая еще поступала в то время в Хельсинки². Так, он откликнулся специальной рецензией на «Русско-зырянский словарь» *Г.С. Лыткина*³. Как и большинство финских лингвистов, активно занимался этимологией, посвятил несколько статей пермским заимствованиям⁴. В них он пытался определить заимствованную лексику в пермских языках, в том числе в коми, реконструировать древнюю историю коми народа. В 1942 г. под его редакцией появляется «Словарный запас коми-зырянского языка и основы морфологии», который был завершен Т.Э. Утилой после смерти своего учителя *Ю.Й. Вихмана* и содержал около 10 000 слов⁵. Для современного исследователя, занимающегося этнической историей коми-зырян, не утратили значения его статьи о прибалтийско-финских, в частности о коми-вепсских, контактах и заимствованиях⁶. Коми язык он знал очень хорошо.

В 1942–1943 гг. Т.Э. Утила ездил по лагерям и записывал различные тексты среди коми, удмуртов и марийцев. В 1985 г. Паула

¹ *Uotila T.E.* Syrjanische Chrestomathie mit grammatischem abris und etymologischem wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

² Краткую библиографию работ Т.Э. Утила см.: Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 156–157.

³ *Uotila T.E.* G.S. Lytkin. Русско-зырянский словарь // FUF. 1934. Bd. 22.

⁴ *Uotila T.E.* Etimologische Beiträge // FUF. 1939–1940. Bd. 26. S. 144–191; Lehnwörter des Permischen // JSFOu. 1943–1944. Vol. 411. P. 1–10.

⁵ *Wichmann Y.J.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Bear. und hrsg. von *E.T. Uotila* // Lexica Societatis Fenno-ugricae. Vol. 7. Helsinki, 1942.

⁶ *Uotila T.E.* Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista [Замечания о прибалтийско-финских заимствованиях в зырянском языке. На финском языке] // *Virittäjä*. 1936. № 40. S. 199–207; *Он же*. Vähän syrjäänin ja vepsän kosketuksista [О зырянско-вепсских контактах] // *Virittäjä*. 1947. № 51. S. 142–146, 233–234.

Кокконен из Хельсинкского университета начала издавать эти тексты⁷. Собранный материал публикатором сгруппирован в соответствии с принятым в настоящее время делением коми языка на диалекты и показывает, что Т.Э. Утила беседовал с людьми, говорящими практически на всех диалектах. Наибольшее число из информантов владели верхне-вычегодским диалектом (15 человек), по одному представителю — вымским, удорским, печорским, лузско-летским, верхне-сысольским⁸. Всего в четырех томах содержатся 766 текстов. Они представляют собой как образцы коми фольклора: сказки, былички, песни, причитания, загадки, поговорки, так и т.н. нарративы: рассказы о своей жизни, о хозяйственных занятиях, календарных и семейных обрядах и праздниках, о колхозах и т.д. Поэтому эти материалы имеют не только лингвистическое, но и этнографическое значение. Образцы коми фольклора, зафиксированные Т.Э. Утилой, позволяют определить степень знания населением этого раздела традиционной народной культуры. Например, зафиксированные им образцы свадебных и похоронных причитаний, которые обычно исполняются женщинами, были известны мужчинам и могли исполняться ими. Все это позволяет высоко оценить научную ценность собранных Т.Э. Утилой материалов, хотя их крайне редко используют.

⁷ *Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila*. B. 1. Komi-permjakisch // MSFOu. Helsinki, 1985. Vol. 186; *Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila*. B. 2. Komi-Syrjanisch // MSFOu. Helsinki, 1986. Vol. 193; *Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila*. B. 3. Komi-Syrjanisch // MSFOu. Helsinki, 1989. Vol. 202; *Syrjanische Texte gesammelt von T.E. Uotila*. B. 4 // MSFOu. Helsinki, 1995. Vol. 221.

⁸ О судьбе этих людей см.: *Сивкова А.* Не пропавшие без вести // Дым отечества 1996–1997. Сыктывкар, 2006. С. 64–76.